

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

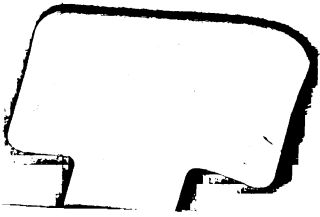
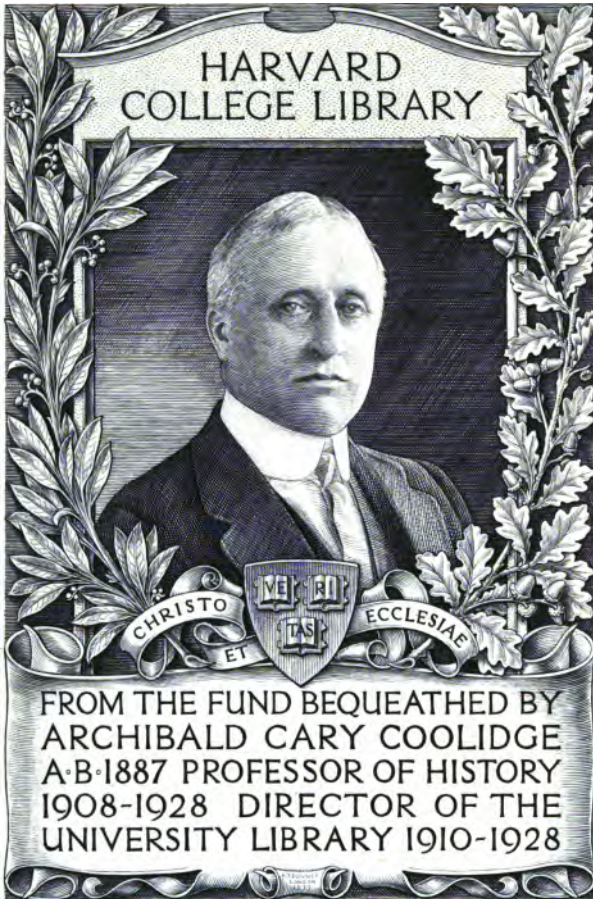
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1.75

Slav 800.160

0

ДОСТОВѢРНОСТИ ЯРЛЫКОВЪ,
ДАНЫХЪ ХАНАМИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
РУССКОМУ ДУХОВЕНСТВУ.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. Григорьева.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1842.

Slav 800.160
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
COOLIDGE FUND

April 29, 1938

По определению Совета ИМПЕРАТОРСКАГО
Московского Университета печатать дозволяется.
Апрѣля 2 дня 1842 года.

Секретарь Совета, Михаилъ Назимовъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Къ числу памятниковъ нашей исторіи, не разобранныхъ еще и не объясненныхъ криптически, но заклеименныхъ уже подложностію по однѣмъ подозрѣніямъ, принадлежащихъ и льготныхъ или жалованныхъ грамотъ, данныхъ разнымъ митрополиямъ Русскимъ чепырьмя Золото-Ордынскими ханами и одною ханшею, и дошедшія до насъ подъ именемъ „ярлыковъ.“

Только семь такихъ ярлыковъ знаемъ мы, именно: 1) Опъ хана Менгу-Темира Русскимъ митрополиямъ безыменно и всѣмъ церковнымъ людямъ вообще; 2) опъ хана Узбека митрополю Пепру; 3) опъ ханши Тайдулы митрополю Феогносту; 4) опъ нея же митрополю Алексью; 5) ему же опъ хана Бирдибека; 6) опъ Тайдулы же митрополю Юнъ или Ивану; 7) опъ хана Аплюляка митрополю Михаилу.

Всѣ семь изданы впервые Новиковымъ въ его „Древней Россійской Визіювикъ“, Москва. 1787. Т. IV. Съ тѣхъ поръ, кромѣ этихъ семи, другихъ такихъ ярлыковъ не было ни найдено ни напечатано. Откуда и какъ добылъ ихъ Новиковъ — неизвѣстно. Изъ введенія и послѣствія, сопровождающихъ эти

IV

акпы въ его изданіи, должно заключасть, что онъ извлекъ ихъ изъ ихъ какой-нибудь лѣтописи доселѣ не напечатанной. Во второй разъ ярлыки явились на свѣсъ въ такъ называемой „Суздальской Лѣтописи“, изданной Н. Львовымъ въ С. Петербургѣ въ 1792 году; но здѣсь помѣщено ихъ только шесть. Четыре: Аплюяковъ, Тайдулицы Ивану и Θεогноспу и Менгу-Темировъ — подъ 1342, и два: Тайдулицъ Алексю и ему же Бирдибековъ — подъ 1357 годомъ (Т. III. Стр. 101 и 123). Третьяго изданія удостоились ярлыки въ „Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“, во второмъ томѣ котораго (Москва. 1819. N 2, 7, 9, 10, 11, 12) напечатано ихъ также шесть: Менгу-Темировъ, Узбековъ, Тайдулицы Θεогноспу и Алексю, Бирдибековъ и Аплюяковъ. Печатали ихъ со списковъ сихъ актовъ, хранящихся въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

До Карамзина, сколько мнѣ извѣстно, ярлыки эти не обратили на себя ни чьего вниманія; никто не пользовался ими какъ источниками для Монгольскаго періода нашей исторіи, никто не подвергалъ ихъ изслѣдованію, но за то никто и не подозрѣлъ ихъ достоверности. Карамзинъ, также не употребившій ярлыковъ въ дѣло, первый предположилъ относительно ихъ возможность подлога. Напечатавъ въ 245 примѣчаніи къ IV тому своей „Исторіи“ ярлыкъ Узбека митрополиту Пепру, какъ самъ говоритъ, изъ Росповской архивной лѣтописи, онъ присовокупилъ къ нему слѣдующее замѣчаніе: „Нѣ-

сколько сихъ ярлыковъ, испинныхъ или подложныхъ, напечатано въ Россійской Вѣстникѣ, п. VI. Во многихъ рукописныхъ означенъ надъ каждымъ ярлыкомъ годъ и большею часпю несправедливо“ (Исп. Гос. Росс. Изд. перв. Т. IV. Спр. 411).

„Испинныхъ или подложныхъ“ говоритъ Карамзинъ; спало бытъ онъ не былъ увѣренъ въ достоверности ярлыковъ, Чшо же дало незабвенному исторіографу поводъ усомнипсья въ ней и предположишь подлогъ? Содержаніе ярлыковъ или форма? предположеніе чшо они не могли бытъ пи-саны въ Ордѣ на Рускомъ языкѣ, или чшо подлинники ярлыковъ, Монгольскіе, Тапсарскіе или даже Русскіе, не дошли до нашего времени, и чшо мы имѣемъ ярлыки полько въ позднѣйшихъ спискахъ? Анахронизмы, наконецъ, о копорыхъ онъ упоминаетъ, или какія-либо другія обстоятельствова? Ош-вѣща на эти вопросы не находимъ у Карамзина, и, судя по всему, должно полагать, чшо выраженное имъ сомнѣніе не было плодомъ очень основательнаго изслѣдованія. Какъ бы шо ни было, впрочемъ, полько шѣнь, брошенная Карамзиньмъ на достоверность эпихъ актовъ, удалила онъ пользованія ими послѣдовавшихъ за нимъ историковъ и изслѣдователей нашихъ. Такъ Гагемейсперъ, копорый въ изслѣдованіяхъ своихъ „О финансахъ древней Россіи“ (Спб. 1833), могъ бы почерпнуть изъ ярлыковъ много новаго для объясненія предмета своего въ теченіе Монгольскаго періода, не воспользовался ими какъ бы слѣдовало, на шомъ

основаніи, что „подлинность ярлыковъ еще оспаривается“ (спр. 151). Даже пѣ, копорые и не выражали явно своей недовѣрчивости, все паки не пользовались ярлыками, какъ бы исповѣдуя ее tacite; пруда же прояснишь дѣло ниско на себя не бралъ, шакъ что вопросъ о ярлыкахъ оспаешся доселѣ въ шакомъ же положеніи, въ какомъ оспавилъ его Карамзинъ. Къ сказанному имъ прибавилъ нѣсколько предположеній шолько Полевой. Онъ думаетъ, что ярлыки дошли до насъ въ переводѣ, шо еспь первоначально не были писаны на Русскомъ; что переводъ не современенъ подлинникамъ, а переведены всѣ они позже и въ одно время, вѣроятно по случаю какаго-нибудь припѣсненія духовенству (можетъ бышь на соборѣ бывшемъ въ 1500 году при Іоаннѣ III, или на соборѣ 1580 года); что основаніе ихъ испишно, но что въ новѣйшія времена они передѣланы или, по крайней мѣрѣ, измѣнены переводчиками и списывашелями (Исп. Русскаго народа ш. IV. спр. 176-177).

Иностранцы писавшіе объ испоріи Россіи и Золошой Орды, Шпраль и Гаммеръ, позже не сумѣли извлечь изъ эмихъ драгоценныхъ акшовъ бо-лѣ нашего. Первый, разбирая испочники церковной Руской испоріи въ своихъ *Beiträge zur russischen Kirchengeschichte* (Halle. 1827), опредѣлилъ ярлыкамъ видное мѣсто между ними (I, 18-20); но въ свой *Geschichte der Russischen Kirche* (Halle. 1830), вмѣсто шого, шшобы на дѣлѣ показашь важность эшого испочника, ограничился помещеніемъ въ пе-

VII

реводъ Узбекова ярлыка мипрополишу Пенпру. Впо-
рой и въ глаза не видалъ ярлыковъ, кремъ одного,
сейчасъ поименованнаго, да и шѣмъ не восполь-
зовался (*Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak,*
das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840. s. 589).

Вошъ какъ пользовались до сихъ поръ ярлы-
ками, и что высказали объ нихъ—весьма немного
и въ шомъ и въ другомъ опношеніи. Между шѣмъ
акпы эппи заслуживали бы, по мнѣнію нашему,
несравненно большаго вниманія. Мы думаемъ, и со
временемъ поспараемъ доказать на дѣлѣ, что яр-
лыки сущь одни изъ самыхъ замѣчательныхъ памя-
шниковъ нашей древности, замѣчательные не ме-
нѣе чѣмъ договоры Олега и Игоря съ Воспочно-
Римскими императорами, чѣмъ договоры великихъ
князей Тверскихъ и Московскихъ съ Новымъгоро-
домъ, духовныя завѣщанія сихъ послѣднихъ, или
какіе-либо другіе акпы изъ древняго періода нашей
испоріи. Они содержатъ въ себѣ много драгоцѣп-
ныхъ испорическихъ факшовъ и указаній, копорые,
при умѣнни пользоваться ими, и при знаніи быша,
обычаевъ и успановленій Монгольскихъ, могутъ
объяснить многое въ испоріи двухсоплѣшняго раб-
шва нашего подъ желѣзнымъ, хопя и хрупкимъ
скишпромъ сихъ завоевашелей; но такъ какъ спе-
пень довѣренности къ эшимъ факшамъ и указаніямъ
зависитъ опъ спепени довѣренности къ подлин-
ности акшовъ, въ копорыхъ они заключаются, по,
прежде чѣмъ присупанъ къ пользованію сими ак-

VIII

нами, состоящими подъ подозрѣніемъ въ подложности, должно подвергнушь ихъ изслѣдованію и доказать ихъ достоверность. Эту цѣль и предположили мы себѣ въ настоящемъ разсужденіи. (1).

(1) Для ясности дѣла мнѣ казалось не лишнимъ, чтобы читатели, для повѣрки изслѣдованій моихъ, могли имѣть передъ глазами и самые ярыки. Я помѣстилъ ихъ въ концѣ книги перепечатавъ изъ „Виелюэики“ съ сохраненіемъ введенія и заключенія, которыя имъ шамъ сопутствуютъ. Къ Новиковскому изданію, принятому за текстъ, присоединены варианты изъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Росповской лѣтописи (по Карамзину), да нѣкоторыя важнѣйшія изъ Суздальской. Я не могъ сохранить пунктуации ни котораго изъ прехъ изданій, по причинамъ объясненнымъ ниже въ главѣ шестой, и ввелъ свою.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О ярлыкахъ вообще.

Начнемъ изслѣдованія наши разсмотрѣнiемъ происхожденiя и значенiя слова „ярлыкъ“ — пехническаго названiя льготныхъ грамошъ, о копорыхъ идееть рѣчь.

„Ярлыками“ названы эшъ грамошы въ нихъ самихъ. Въ Менгу-Темировомъ находимъ: „Такъ молвя *ярлыкъ* далъ“. Въ Узбековомъ: „А кшо нашъ *ярлыкъ* и наше слово преслушаешъ“; далъе: „А мы, по помужъ пуши, пѣмижъ *ярлыки* жалуемъ“; далъе: „Вся его люди . . . какъ *ярлыкъ* имѣешъ“, и „шакъ *ярлыкъ* данъ“. Въ Тайдулиномъ Теогноспу: „Такъ молвя, Теогноспа Мипрополиша Царь пожаловалъ, со алою памгою *ярлыкъ* далъ“. Въ Бирдибековомъ: „Такъ рекше и *ярлыкъ* со алою памгою дали есмя“. Въ Апшюляковомъ: „Такъ рекше ушвердихомъ, со алою памгою *ярлыкъ* дали есмя“.

„Ярлыками“ же называюпся онъ и въ припискѣ, сопущспвующей имъ въ Новиковскомъ изданiи: „Супъ же и инiи велицы *ярлыцы* преданы быша цер-

кви Божіей“; И далѣе: „Елико же обрѣпохомъ во свѣтѣйшей Мишпрополи спарыхъ Царей *ярмыки*, сихъ и написахомъ. Мнози же супъ иные велицы *ярмыцы*, но иныхъ не возмогохомъ превеспи“.

Въ самихъ же ярлыкахъ говорися, что акшы одинаковаго съ ними содержания и названія даваемы были Русскому духовенству въ разное время и опъ разныхъ хановъ. Такъ въ Менгу-Темировомъ чипаемъ: „Чингій Царь, попомъ кпо ни будешъ, дали есмя жалованная грамопы Русскимъ Мишпрополипомъ и церковнымъ людемъ и какъ первые Цари ихъ пожаловали, и мы, Богу моляся, и ихъ грамопъ не изыначивая, попомужъ жалуемъ.“ Въ Узбековомъ: „Да вси покаряюся и повинуюся Мишпрополишу по первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамопамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамопамъ и дефперемъ“. Въ Бирдибековомъ: „Чингисъ Царь и первые Цари, опцы наши, жаловали церковныхъ людей *ярмыки* подавали. И по увѣдавши, всѣ иже по нихъ иные Цари *ярмыки* свои давали. И мы нынѣ, первыхъ *ярмыковъ* не изыначивая, и думавъ, по помужъ есмя Алексѣя Мишпрополиша пожаловали“. Въ Аплюляковомъ: „Опъ первыхъ Царей, при Чингисъ Царь, и по немъ иные Цари Азизъ и Бердебекъ, и ши жаловали церковныхъ людей да и по ихъ кпо ни будешъ, всѣ шѣ, обыскавъ, *ярмыки* давали. И нынѣ мы, по первымъ *ярмыкомъ* изыскавши, и удумавши, не изыначиваемъ первыхъ *ярмыковъ*, попомужъ сего Мишпрополиша Михаила пожаловали есмя“.

И шакъ изъ семи ярлыковъ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, равно какъ и изъ всѣхъ вышеприведенныхъ изъ нихъ же мѣспъ, должно заключать, что „ярлыками“ назывались на Руси и въ самой Ордѣ льготныя или жалованныя грамоты, которыя Ордынскіе ханы давали Русскому духовенству. Чтожь, справедливо это? Дѣйствительно существовали въ Ордѣ и Россіи акшы, которыя носили такое названіе и даны были ханами нашему духовенству?— Дѣйствительно, и акшы этого названія даваемы были не только духовенству нашему, но и князьямъ (а можетъ быть еще и лицамъ другихъ сословій). Это доказывается словами разныхъ летописей и современныхъ государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Иногда, преимущественно въ началѣ Монгольскаго владычества, когда Русскіе были еще мало знакомы съ языкомъ и обычаями своихъ повелителей, ярлыки ханскіе упоминаются просто подъ именемъ „грамотъ Царскихъ“. Такъ въ „Вольнскойой летописи“ говорится, что, когда около 1255 г. Ташаре пришли къ Кременцу, сидѣвшій тамъ Андрей, королевичъ Венгерскій, сказалъ имъ: „Бапыева *грамота* у мене есть“ (Исп. Рос. Росс. изд. первое Т. IV. прим. 102. стр. 319). Въ договорной грамотѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ Новымъгородомъ, писанной около 1270 года, сказано: „А госпи нашему госпиши по Суждальской землѣ безъ рубежа, по *Царевѣ грамотѣ*“ (Собр.

гос. грамотъ. Т. I. № 3. стр. 4 (2). На оборотѣ этой же грамоты приписано, что для того, чтобы посадить Ярослава на престолъ Новгородскій, призвали „опъ Менгу Темеря Царя послы Чевгу и Байши съ грамотою.“

Позднѣе объ ярлыкахъ упоминается въ летописяхъ подъ ихъ собственнымъ названіемъ. Въ „Троицкой“ подъ 1303 годомъ, при описаніи съезда князей въ Переяславль, говорится, что „пучили грамоты, Царевы ярлыки“ (Исп. Гос. Росс. Т. IV. прим. 191). Въ „Никоновской“ подъ 1351 годомъ находимъ: „Тогожь лета Князь Василю Михайловичу Тверскому прииде изъ Орды опъ Царя посолъ Ахмашъ, и привезе ему ярлыкъ на его имя“ (Ник. Лѣт. Т. III. стр. 198). Въ ней же, подъ 1362 годомъ, — что къ В. К. Дмитрию Иоанновичу Донскому прибылъ во Владимірь „посолъ изъ Мамаевы Орды опъ Царя Авдула съ ярлыки на великое княженіе Володимерское“ (Ibid. Т. IV. стр. 4), и вслѣдъ за тѣмъ: „Тогожь лета Амурапъ Царь, бранъ Хидыря, услышавъ, что опъ Царя Авдула посолъ ходилъ съ ярлыки . . . оппущи Князя Ивана на Русь, а съ нимъ посла свбего Иляка

2) Объ этой „Царевой грамотѣ“ упоминается и во всѣхъ послѣдующихъ договорахъ Новгорода съ великими князьями Тверскими и Московскими: съ Михаиломъ Ярославичемъ писанными между 1305 и 1308 годами; съ Александромъ Михайловичемъ, писанномъ въ 1327 году; и съ Иоанномъ Васильевичемъ и сыномъ его Иоанномъ Иоанновичемъ, писанномъ въ 1471 году (Собр. гос. грамотъ. Т. I).

съ 30 Тапарины съ *ярлыки* ко князю Дмипрію Конспаншиновичу.“ Тамъ же, подъ 1364 годомъ : „Тогожь лѣша. приде изъ Орды опъ Царя Озиза Князь. . . . а съ нимъ Царевъ посолъ, имя ему Урусь Малды, и вынесе *ярлыки* на княжніе великое князю Дмипрію Конспаншиновичу Суздальскому“ (Ibid. Т. IV. спр. 9). Тамъ же, подъ 1370 годомъ, — чпо посолъ Ханскій „посылалъ къ великому князю Дмипрію Ивановичу, зовя его въ Володимеръ къ *ярлыку*, и онъ опвѣщалъ къ *ярлыку* по ѣду. . .“ (Ibid. Т. IV. спр. 28). Тамъ же, еще нѣсколько разъ подъ 1381, 1400 и 1432 годами (Ibid. Т. IV. спр. 137, 296 и Т. V. спр. 111). Въ Суздальской. подъ 1375 годомъ: „Того же лѣша. . . . Нѣкомасъ приде посломъ изъ Орды съ Ацыхожею. . . . съ *ерлыки* ко князь Михайлу на великое княженіе“ (Лѣтописецъ Русской. Спб. 1792. часшь II. спр. 151). Въ договорныхъ грамопахъ Юрья Дмипріевича Галицкаго съ В. К. Василиемъ Васильевичемъ, писанныхъ въ 1433 году, Юрій Дмипріевичъ говоритъ: „А чпо есмь взялъ Царевъ *ярлыкъ* на Дмипровъ, и пойгъ ми *ярлыкъ* шобъ даши“ (Собр. Гос. грамотъ. Т. I. № 49 и 50, спр. 100 и 102). Въ договорной грамотѣ князя Можайскаго Ивана Андреевича съ В. К. Василиемъ Васильевичемъ, писанной въ 1447 году, помянушій князь Можайскій обязуешся возврашишь взяшые имъ изъ казны великокняжеской „грамоты докончалные и *ярлыки* и дефпери и иныя кошорые грамоты надобныя“ (Ibid. № 66. спр. 148). О такихъ же *ярлыкахъ*, грамо-

шахъ и дефнеряхъ, хранившихся въ казнѣ великокняжеской, упоминается еще и въ договорной записи Дмитрія Юрьевича Шемяки и Можайскаго князя Ивана Андреевича съ младшимъ братомъ послѣдняго, княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, и съ княземъ Боровскимъ Василюемъ Ярославичемъ, писанной въ 1448 году (Ibid. № 67, стр. 150); а въ договорныхъ грамотахъ князя Суздальскаго Ивана Васильевича съ В. К. Василюемъ Васильевичемъ, писанныхъ около 1451 года, Князь Суздальскій говоритъ: „А шло будешъ у мене *ярлыковъ* спарыхъ на Суздаль и на Новгородъ на Нижней и на Городецъ и на все на Новгородское Княжене, и мнѣ, Госнодине, Князю Ивану, шъ *ярлыки* все оидати шебъ Великому Князю и пвоимъ дѣшнемъ безъхипросно. А новыхъ ми *ярлыковъ* не имаши; а хощя, Госнодине, копорый Царь *ярлыки* свои мнѣ каковы дасятъ на Новгородъ и на Суздаль, или ко мнѣ пришлешъ, и мнѣ и шъ *ярлыки* все оидати шобъ Великому Князю и пвоимъ дѣшнемъ по крещному целованью, а у собе мнѣ ихъ не держати“. (Ibid. № 80 и 81, стр. 186 и 188).

А вопгъ мѣспа изъ лѣтописей, копорыми подтверждается полученіе *ярлыковъ* опгъ Хановъ и духовенствомъ нашимъ: Въ Росповской подъ 1313 годомъ, когда повѣспвуется о хожденіи въ Орду митрополита Пепра съ В. К. Михаиломъ Ярославичемъ, сказано между прочимъ: „Милосшво Божіею Пепръ Митрополитъ въ Орду у Царя былъ въ чесни величій и ошнуецетъ бышпъ вскорѣ съ уп-

равомъ и съ *ярмыки* и съ Дефшери“ (Исп. Гос. Росс. Т. IV. пр. 245). Подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской: „И вси прихождаху во Орду, шого ради понеже шогда во Ордѣ и *ярмыки* имаху, кождо на свое имя, и князи и Епискупы“ (Н. Л. ш. III. стр. 108). И въ той же лѣтописи, подъ 1341 годомъ: „Того же лѣта приде изъ Орды опъ Царя Чанибека Мишпрополишъ Теогноспъ, ходилъ о причпъ церковномъ, имаше бо и Мишпрополишъ и Епискупъ *ярмыки* на своя причпы церковныя опъ Царей Ординскихъ“ (Ibid. Т. III. Спр. 179).

Въ помъ, что слово *ярмыкъ*, какъ названіе извѣснаго намъ рода жалованнымъ грамопамъ, перешло въ Россію изъ Орды, и упроблялось тамъ въ шакомъ же смыслѣ, нѣшъ шакже ни малѣйшаго сомнѣнія. Слово эшо принадлежишъ первоначально языку Монголовъ, копорыми произносишся *дзармикъ*, и значишъ: „слово спаршаго къ младшему“, а пономъ вообще „повелѣніе“, „приказаніе“ (Монгольская Хреспомашія О. Ковалевскаго. Казань. 1836. стр. 248 (3). Опъ сущесвишпелнаго — *дзармикъ* произошелъ на шомъ же языкѣ глаголъ *дзармиклаху* „приказывашъ“, „повелѣвашъ“. Вспарину слогъ *дза* въ словѣ *дзармикъ* и другихъ произносимъ бытъ Монголами, а можешъ бышъ нѣкошорою частію народа произносишся и нынѣ, какъ л;

3) Въ Монгольскомъ словарѣ Я. Шмидта (Спб. 1834. стр. 298) *дзармикъ* переведено такъ: „слово знатныхъ особъ“, „приказаніе“.

Тюркскіе народы (4), заимствовавъ это слово у Монголовъ съ его древнимъ произношеніемъ (5), спали произносишь это я иногда какъ е, при чемъ окончаніе *икъ* измѣнили въ *ыкъ* или *ыгъ* (6). Такимъ образомъ явилась у нихъ та форма этого слова, въ копорой перешло оно и въ нашъ языкъ. Изъ существительнаго ярлыкъ, ярлыгъ, ерлыкъ, ерлыгъ, Джагашайскіе Турки также сдѣлали глаголъ — *يارليماقъ ярлимакъ*, имѣющей одинакое значеніе съ Монгольскимъ *дзарликлаху* (7). Кромъ Тюрк-

(4) Тюркскими народами, по примѣру новѣйшихъ ориенталистовъ, называемъ мы всѣ народы, говорящіе діалектами одного и того же первоначальнаго языка Тюркского *تركي*, совмѣщая одинаково подъ эпитомъ названіемъ какъ Ташаръ Сибирскихъ, Уральскихъ, Волжскихъ, Крымскихъ и за-Кавказскихъ, такъ и Османлы, Тюркменовъ, Узбековъ, Туркистанцевъ, Киргизъ-казаковъ и другіе одноплеменные и одноязычные съ этими народы и поколѣнія.

(5) Можетъ быть, впрочемъ, что въ Тюркскихъ языкахъ слово *ярлыкъ* столь же древне какъ и въ Монгольскомъ и принадлежитъ обимъ одинаково. Взаимныя отношенія этихъ двухъ вѣтвей одного швола еще вовсе не изслѣдованы, потому часто случается, что незнаешь какому языку въ собственность опнеси то или другое слово, встрѣчаемое равно въ обимъ; въ копоромъ признать его кореннымъ, въ копоромъ заимствованнымъ. Таковы слова: *ага*, *аймакъ*, *арсланъ*, *багадыръ*, *тенгри*, *улусъ*, *черикъ*, *ханъ*, *яргу* и множество другихъ.

(6) Слово это пишется и произносится въ Тюркскихъ языкахъ разнымъ образомъ. Встрѣчаемъ его въ формахъ:

يارليقъ и *يارلقъ* *يارليغъ* *يارليغ* *يارليق* *يارليق* *يارليغ* *يارليغ*

7) То есть „приказывать“, но употребляющійся и въ значеніи „говорить“, когда рѣчь идетъ о важныхъ особахъ,

ских и Русскаго, слово ярлыкъ во время блестящаго періода владычества Монголовъ перешло и въ языки иныхъ подвластныхъ имъ народовъ, въ Персидскій, Арабскій, Сирийскій, Армянскій, а можетъ быть еще и въ нѣкопорые другіе (Collection orientale. Histoire des Mongols de la Perse. Vol. 1. p. 179-180 (8). Въ нашемъ языкѣ слово это поперяло въ послѣдствіи времени наспоющее значеніе, и вмѣсто его приняло совершенно иное, спало означашъ шо, что по Французски называется *étiquette*; но во всѣхъ вышеисчисленныхъ оно поспоянно сохраняло по значеніе, съ копорымъ перешло въ нихъ первоначально. Значеніе это впрочемъ было уже не коренное, въ какомъ находимъ мы его доселѣ въ Монгольскомъ, п. е. „словеснаго приказа“, а вшороспепенное, именно „письменный приказъ“, „указъ“. Слово ярлыкъ приняло его въ Тюркскихъ языкахъ во время Чинггиса и первыхъ его преемниковъ (9).

точно такъ же какъ и *дзарликлаху* Монголовъ, *بیورمک* *бюрмекъ* Турокъ и *فرمودن* *Фермуденъ* Персіанъ; копорые глаголы значашъ въ одно время и „приказывать“ и „говорить“.

- (8) Напримѣръ Манджуйскій, Гиндустани, Грузинскій. Аравишане изъ единственнаго ярлыкъ образовали въ духъ языка своего множественное *یرالیق* *яралыкъ* по формѣ *فعایل*, и эта форма множественнаго вошла въ упошребленіе и у Персіанъ.
- (9) Если не имѣло его уже прежде того въ языкѣ Уйгуровъ, Тюркскаго народа, славившагося по средней Азій знаніемъ письменнаго искусства еще за долго до Чинггиса, и имѣвшаго свою азбуку, передѣланную изъ Сирийскаго Еспран-

Тогда всякая бумага, получавшая существование въ Монгольскихъ канцеляріяхъ, и исходившая отъ высочайшей власпи, — былъ ли эшо указъ, приказъ, дипломъ, паспортъ, прокламація, грамопа даршвенная или охранная, письмо или инаго рода писанье, — получала одинаково названіе ярлыка „повелѣнія“, „приказанія“. Другаго названія государшвеннымъ бумагамъ разнаго рода не было; ярлыкъ вмѣщалъ въ себя всѣ виды ихъ, шакже какъ нѣкогда у насъ „грамопа“. Если спанемъ опыскивашь причину эшому, мы найдемъ ее отчаспи въ бѣдноспи кочевыхъ языковъ, не имѣющихъ словъ для выраженія канцелярско - юридическихъ понятій, развивающихся у народовъ осѣдлыхъ болѣе образованныхъ, и поштому необходимо принужденныхъ довольспвовашься для выраженія видовыхъ понятій употребленіемъ одного родоваго; но еще болѣе найдемъ ее въ помъ высокомъ мнѣніи, какое имѣли о своей власпи Монгольскіе хаганы или имперашоры, мнѣніи заимспвовавномъ ими у Кипайцевъ, копорые искони служили кочевымъ сосѣдямъ своимъ образцомъ во всемъ, что касалось до государшвеннаго или придворнаго усшройсшва и удобсшвъ жи-

гело, которую азбуку заимспвовали у нихъ и Монголы. См. Абель-Ремюза: *Recherches sur les langues tartares*. Paris. 1820; Клапротта *Abhandlung ueber die Sprache und Schrift der Uiguren*, въ *Verzeichniss der chinesischen und mandschuischen Bücher und Handschriften der Königl. Bibliothek zu Berlin*. Paris. 1822. folio.

эни (10). Подобно Кипайскимъ императорамъ великіе ханы Монгольскіе именовали себя „сынами Неба“, и на землѣ ни кого не признавали себѣ равнымъ. Весь шаръ земной считали они своимъ законнымъ владѣніемъ, всѣхъ государей и всѣ народы — рабами своими, всякое сопротивление своей власти —

(10) Кипайскіе испорикъ пишутъ, что еще за два вѣка до Р. Х. при Хунискомъ владѣтель Модо-Шаньюѣ, Монголы заимствовали у Кипайцевъ ихъ гіероглифическое письмо и переняли многія обыкновенія. (Записки о Монголіи О. Іакина. Спб. 1828 Т. 1. стр. 201 и 212). Во время владычества домовъ Киданьскаго и Нюджискаго въ X, XI и XII вѣкѣ, Монгольская образованность совершенно облеклась въ спѣснительныя формы Кипайской церемоніальности, какъ повпореніе того же видимъ нынѣ на Манджуяхъ. По разрушеніи Нюджискаго царства оружіемъ Чинкгиса, и расширеніи владѣній и могущества сего послѣдняго насчетъ Кипая, много Кипайскаго перешло также и къ сѣвернымъ Монголамъ, и заимствованія спановились стѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ болѣе проникались Кипаизмомъ преемники Чинкгиса, властвовавшіе въ Великой Ордѣ. Многія званія, должности, обряды и принадлежности ихъ, копорыя въспрѣчаемъ у Монголовъ, ведутъ происхождение изъ „Срединной Имперіи.“ Даже наружная форма и спиль въ произведеніяхъ Монгольскихъ канцелярій рабски скопированы были съ Кипайскихъ. Такъ ошъ Рашидъ-уд-Дина узнаемъ, что уже при Угедаѣ былъ особенный чиновникъ, обязанный записывать ежедневно замѣчательныя слова его, и что такой же былъ и при бранѣ его Джагатаѣ (Доссона *Histoire des Mongols. La Haye. 1834. Vol. II. p. 189 и 499*). Эпо древній Кипайскій обычай, копорый находимъ впрочемъ и въ царствѣ Ахеменидовъ. Мангу, по примѣру Кипайцевъ, покойнаго отца своего Тули произвелъ въ императоры и далъ ему почешнее прозваніе въ храмъ предкамъ (Гань-Му, въ Исторіи перв. чешырехъ хановъ изъ дома Чинкгисова. Пер. съ Ки-

бунпомъ, заслуживающимъ жестокаго наказанія (11). Опстода ясно почему каждое слово ихъ къ другому, изустно или письменно сообщаемое, было необхо-

тайск. О. Іакинѣа. Спб. 1829. стр. 309); а Хубилай былъ уже совершеннымъ Китайцемъ по понятіямъ, по привычкамъ, по образу жизни. — Золотыя и серебряныя бляхи, бывшія въ употребленіи у Монголовъ, и извѣстныя подъ именемъ *Паузе* بايزه самимъ названіемъ обнаруживаютъ Китайское происхожденіе свое. Это Китайское *Паи* съ прибавленіемъ частицы *Tsey* (Сенъ-Мартена Mémoires sur L'Arménie. Paris. 1819. vol. II. p. 281). *Тузъ* غوز, родъ знамени изъ древка съ привязаннымъ къ нему буйволовымъ или лошадинымъ хвостомъ, издревле принятаго Монголами, есть поже Китайское *Туу* или *Ту* (Абель-Ремюза: Recherches sur les langues tartares. vol. I. p. 303). По словамъ Марко-Паоло, важнѣйшіе придворные сановники жгли въ новый годъ ладонь на жертвенникъ, поставленномъ посреди двора передъ картиною, на которой написано было имя императора Хубилая (книга II, глава XII). Не имѣетъ ли эта Китайская церемонія чего нибудь общаго съ поклоненіемъ *басмъ*, о которомъ говорятъ наши лѣтописи?

(II) „Сынъ Неба“, *Тянь-дзы*, Китайскій титулъ императора, католическіе миссіонеры XIII вѣка, въздившіе въ Азію, переводили всегда *filius Dei* „сынъ Бога“ поному, что какъ на Китайскомъ слово *Тянь*, такъ и на Монгольскомъ слово *Тенгри*, означаетъ вмѣстѣ и „небо“ и „божество“. Такъ ПIANO-Карпини говоритъ: *Ipse (Imperator) quoque gloriatur se esse filium Dei, seque sic ab hominibus appellari.* Онъ же въ другомъ мѣстѣ: *Tantae vero impietatis et arrogantiae sunt (Tartari) ut Dominum suum Cham filium Dei appellent et ipsum loco Dei super terram venerantes adorent.... nam et ipse Cham se filium Dei appellat, et in litteris suis sub hoc nomine mandat omnibus.* По его же словамъ, на печати императора Куюка написано было: „Богъ въ небесахъ, а Куюкъ-ханъ на земли. Силою Божіею печать повели-

димо „словомъ спаршаго къ младшему“, „повелѣніемъ“ „приказаніемъ“.

Попомки Чинкгиса, основавшіе себѣ независи-
мыя владѣнія въ Азіи и Воспочнои Европѣ, и пре-
емники ихъ, наслѣдовавшіе эптѣ владѣнія, не могли,
разумеется, имѣть шѣхъ же понятій о своей вла-
сти, какъ великіе хаганы; шѣмъ не менѣе слово яр-
лыкъ оспавалось въ ихъ кочевыхъ и осѣдлыхъ кан-
целяріяхъ общимъ наименованіемъ всякаго рода и

иела всѣхъ людей“ (Собр. Путешествій къ Тапарамъ.
Изд. Языковымъ. Спб. 1825. стр. 44 и 104). *Nunc scit
ille (para) quod Cham sit Dei filius?* говорилъ воевода Бай-
джу-Ноянъ монаху Асцелину, когда пошлѣ рассказывалъ
ему, что Папа выше всѣхъ людей (*Ibid.* стр. 222). Та-
кимъ же образомъ выражающа Арммянскій лѣтописецъ
Ваграмъ о воцареніи Мангу, говоря, что онъ провозгла-
шенъ былъ „сыномъ Бога въ небесахъ“. (*Vahram's Chro-
nicle of the Armenian Kingdom in Cilicia during the time of
the crusades, translated from Armenian by Ch. Neumann. Lond.
1831. p. 49*). Ярлыкъ, присланный отъ Чинкгисъ-хана
Байджу-Нояну, и сохранившійся для насъ въ варвар-
скомъ Латинскомъ переводѣ, Тапаре, по словамъ Асце-
лина, называли *litterae Dei*. Это Китайское выраженіе:
„Небесныя писанія“, которымъ дѣйствительно означа-
ются въ Китаѣ повелѣнія императора. Эша грамота
или ярлыкъ можетъ служить однимъ изъ лучшихъ об-
разчиковъ какого мнѣнія былъ о себѣ Чинкгисъ, или
какое хощѣлъ внушить онъ о себѣ другимъ. Вотъ его
же прокламація къ жителямъ Нишабура: „Начальники,
люди именитые и изродъ! Знайте, что Богъ далъ мнѣ
власть надъ міромъ отъ Воспока до Запада. Кто по-
корится, будетъ пощажень; но горе шѣмъ, кто спа-
нетъ противиться: они будутъ избиты съ женами, дѣть-
ми и домочадцами“ (Рашидъ-уд-Динъ въ *Hist. des Mongols* До-
ссона. vol. I. p. 249) Преемники Чинкгиса были рѣшитель-
но убѣждены, что Небо опредѣлило имъ быть власпише-

содержанія бумагамъ изъ нихъ выходившимъ , независимо отъ того, что для разныхъ видовъ ихъ заимствованы были со временемъ, особенно въ царствъ Гулагидовъ, другія названія изъ Арабскаго и Персидскаго языковъ , какъ напримѣръ *بروانه* *перване* и *برات* *бератъ* (12). Крымскіе Гирей , какъ положительно извѣстно , сохранили ярлыку эшу обширность значенія до послѣднихъ временъ сво-

лями цѣлаго міра. Это говорили они и писали всѣмъ и каждому. Отъ того и происходило, что въ началѣ своихъ завоеваній, Монголы, отправляясь войною на какой-либо народъ, требовали отъ него покорности себѣ какъ должнаго, и на сопротивленіе оружію своему смотрѣли какъ на дерзостное сопротивленіе волѣ Неба, вызывавшее со стороны ихъ, какъ орудій эшой воли , испребленіе виновныхъ. Когда же владѣтель, копората Монголы призывали къ шягостной покорности, рѣшался покориться и сдѣлаться ихъ вассаломъ , онъ долженъ былъ непременно ѣхать къ императору для засвидѣтельствованія ему своего подданства. Такъ, послѣ того какъ В. К. Ярославъ Всеволодовичъ торжественно призналъ надъ собою власть Монголовъ въ Ордѣ Батыйя , Батый послалъ его на поклоненіе къ „Кановичемъ“, какъ говорятъ наши лѣтописи, шо есть, къ великому каану или хагану.

(12) Но и у Гулагидовъ жалованныя грамоты, дипломы и паспорта всегда сохраняли названіе ярлыка. Извѣстительное письмо къ султану Египетскому Келану о восшествіи своемъ на престоль , султанъ Ахмедъ называетъ ярлыкомъ (*ordre, ordonnance*). Письмо это, въ французскомъ переводѣ, можно видѣть у Доссона въ его *Hist. des Mongols. vol. III. p. 563. См. еще тамъ же, vol. IV. p. 410—411, и Абель-Ремюза: Mémoires sur les relations politiques des princes Chrétiens avec des empereurs mongols. Paris. 1824 p. 96*). Манифестъ свой о томъ же къ народу преемникъ Ахмеда Аргунъ-ханъ величаетъ тѣмъ же именемъ. (Абель Ремюза. I. с. p. 97.)

его существованіи. Вошь доказательства: Договоръ свой съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ, писанный въ 1474 году, Менгли-Гирей называетъ ярлыкомъ „Какъ писано въ семъ ярлицѣ“ (Исп. Гос. Росс. Т. VI. пр. 124. стр. 378), а великій князь въ на-
свавленіяхъ послу Спаркову называетъ шонгъ же договоръ „шерпнымъ ярлыкомъ“. Письма разнаго содержания, опть Менгли-Гирей къ королямъ Польскимъ Александру и Сигизмунду I, и къ воеводѣ Молдавскому Богдану, равно какъ и жалованная грамота опть Менгли-Гирей Сигизмунду I, писанныя въ 913 г. гиджры (1506 по Р. Х.), называющіяся ярлыками (иногда „лишпами“) какъ въ нихъ самихъ, такъ и шогда, когда о нихъ упоминается въ другихъ аксахъ (Сборникъ Князя Оболенскаго. Москва. 1839. No I). Ярлыкомъ величается помянутый Сигизмундъ даже письмо, полученное имъ опть хана Казанскаго Магметъ-Аминя. (Ibid. стр. 43). Льготная грамота, данная въ 1550 году ханомъ Сахибъ-Гиреемъ нѣкопорому Шагану Чагаріару, зоветъ себя ярлыкомъ (Журналъ Минисперства Народн. Просв. 1839 годъ. Книжка прешья). Наконецъ я самъ имѣлъ въ рукахъ болѣе десяти подлинныхъ Тапарскихъ грамотъ различнаго содержания и разныхъ Крымскихъ хановъ, съ начала XVI по конецъ прошедшаго столѣтія, копорья всѣ одинаково носятъ шило ярлыковъ (13).

(13) Ярлыки эти, въ fac-simile, подлинникъ или переводъ, изданы будутъ въ запискахъ Одесскаго Общества Исшоріи и Древности.

То же, что у Гиреевъ въ Крыму, было, должно полагать, и у Джучидовъ въ Золотой Орды, менѣе подверженной Персо-Арабскому вліянію чѣмъ ханство Гулагидовъ въ Персіи или Джагапайдовъ въ Маверауннагрѣ. Положеніе это подтверждается всѣми извѣстными доселѣ, изданными въ подлинникъ или переводѣ актами Золото-Ордынскихъ канцелярій. Договоры, заключенные Венеціанами съ Джанибекомъ въ 1347, и съ Бирдибекомъ въ 1358 году, названы въ нихъ самихъ „commandamento“ т. е. ярлыками (см. ихъ въ Гаммеровой *Geschichte d. Gold. Horde. s. 517—522*). Тарханная грамота Куплукъ-Тимура, данная имъ въ 1397 году нѣкому Мохаммедъ-Бею съ сыновьями, объявляетъ себя ярлыкомъ: *التون نشانلق آل تمناللق یارلق بیرلدى* *Алтунъ нишанлыкъ аль тамгалыкъ ярлыкъ бирилди* „данъ сей ярлыкъ за золотымъ вензелемъ, за алою памгою“ (*Mines de l'Orient. Vol. VI. p. 359*). Льготная грамота Тохтамышша, данная имъ въ 1382 году Бику Хаджи съ племенемъ, называетъ себя ярлыкомъ. (Журналъ Министерства Нар. Просв. 1840 годъ, книжка осьмая). Письмо свое къ Ягайлѣ, писанное въ 1392 году, Тохтамышъ величаетъ нѣмъ же названіемъ (14). Такъ же называетъ и Едигей пись-

(14) О существованіи этого важнаго документа и содержаніи его публика знаетъ доселѣ только изъ Гаммеровой *Geschichte d. gold. Horde*, и только то, что онъ написалъ объ немъ (стр. 355). Fac-simile этого письма Уйгурскими буквами, съ Ташарскою транскрипціею,

мо свое къ В. К. Василю Дмишрiевичу, писанное въ 1409 году (Собр. Гос. Грамошъ. Т. I. No 15. спр. 16). Ярлыками же, наконецъ, именующя жалованныя грамошы Тохшамыша и другихъ Золошо-Ордынскихъ хановъ королямъ Польскимъ и великимъ князьямъ Липовскимъ, какъ въ письмахъ Менгли-Гирея къ Сигизмунду I, шакъ и въ опшвѣпахъ ему сего послѣдняго, имѣвшихъ мѣспо въ 1506 году (Сборникъ Князя Оболенскаго, No I. спр. 45, 84 и 89).

И мало того, что „ярлыкъ“ было общимъ наименованiемъ всякаго рода бумагамъ, исходившимъ опъ хановъ Ташарскихъ; на Руси и въ Липвѣ привыкли къ нему до того, что спали звать ярлыками даже письма и грамошы Русскихъ и Липовскихъ владѣшелей къ ханамъ. Такъ въ Никоновской лѣпописи, подъ 1379 годомъ, читаемъ : „Олегъ Рязанскiй посла посла своего къ Царю Мамаю и *ярлыки* свои написа къ нему сице:“ (Ник. лѣп. Т. IV. спр. 90). Такъ ярлыкомъ же названо письмо короля Сигизмунда I къ хану Менгли-Гирею въ „Посольской книгѣ Великаго Княжества Липовскаго:“ (Сборникъ Князя Оболенскаго. No I. спр. 82).

Послѣ всего сказаннаго не оспается, надѣюсь, ни малѣйшаго сомнѣнiя, что въ Золошой Ордѣ су-

современнымъ Бѣлорусскимъ переводомъ, и переводомъ и объясненiями нѣсколькихъ нашихъ ориенталистовъ, явится вскорѣ на свѣтъ въ драгоценномъ „Сборникѣ“ Князя М. А. Оболенскаго.

щеспвовали акты, носившіе названіе „ярлыковъ“, и что ханы ея давали паковые князьямъ нашимъ и духовенству. Теперь спрашивается: семь ярлыковъ на Русскомъ языкѣ, дошедшіе до нашего времени, и находимые въ разныхъ лѣтописяхъ и сборникахъ (15), истинны или подложны?

Разсмотримъ сначала содержаніе и форму эпихъ ярлыковъ, поищемъ: не представляеть ли по или другое какихъ нибудь обспояшельствъ, которыя подшвердили бы ихъ достоверность, или обнаружили въ нихъ подлогъ; а тамъ разслѣдуемъ, съ пою же цѣлю, лица дававшія и получавшія ихъ, мѣсто, время и поводъ ихъ дачи, языкъ эпихъ актовъ и, наконецъ, какъ могли сохраниться они до нашего времени, и въ какомъ видѣ сохранились.

(15) Въ Суздальской, въ Ростовской, въ неизвѣстной, откуда извлекъ ихъ Новиковъ, и должно быть еще въ разныхъ другихъ. Карамзинъ говоритъ: „во многихъ рукописныхъ ярлыкахъ означенъ годъ“: спало бытъ онъ имѣлъ въ рукахъ какіе нибудь списки ихъ. При изданіи Софійскаго Временника, П. Спроевъ пользовался однимъ сборникомъ изъ библіотеки Воскресенскаго монастыря, въ которомъ сборникъ между прочимъ помѣщены и „ярлыки (числомъ 5) иже сушь давали Цари Ординскіе Митрополитамъ Кіевскимъ всея Руси на церковныя дома и на люди“ (Софійскій Временникъ. Москва. 1820. Т. I. стр. XXVII).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Содержаніе ярлыковъ.

Ярлыки, за исключеніемъ Тайдулинаго Алексію, который естъ не что иное какъ подорожная на случай опправленія его въ Конспаншинополь, всѣ одинаковаго содержанія. Во всѣхъ даюцца нашему духовенству разныя права и преимущесства; освобождается оно опть плашежа всякаго рода пощинъ, даней и повинностей; митрополишамъ предоспавляется право суда и расправы надъ всѣмъ духовенствомъ и подвѣдомспвенными ему людьми, равно какъ и распоряженія всякаго рода церковнымъ и монастырскимъ имущесствомъ; Ташарамъ предписывается величайшее уваженіе къ нашей религій, за хулу на которую, такъ какъ и за нарушеніе всѣхъ вышеозначенныхъ преимущесствъ, опредѣляется наказаніемъ не менѣе какъ смершная казнь. И за всѣ эштѣ преимущесства, даруемья духовенству, ханы просяштѣ у него шолько молиштѣ за себя и благоденствіе своего рода и племени.

Спрашивается: сообразное ли съ чѣмъ эшо дѣло, чшобы власшители Золошой Орды, исповѣдывавшіе исламизмъ, покровишельспвовали духовенству

враждебнаго исламизму хрисіанскаго исповѣданія въ такой мѣрѣ, что дѣлались почти опсшупниками отъ своей вѣры, и все это не только безъ выгоды для себя, но съ ущербомъ для собственной казны, и того, что называется гордостью народной? Чтобы они давали хрисіанскому духовенству такія преимущества, и оказывали такое уваженіе къ хрисіанской религіи, тогда какъ ихъ мусульманская предписываетъ величайшую неприкосновенность и презрѣніе къ иповѣрцамъ; тогда какъ извѣстно, какія припѣсненія шергили хрисіане и какому униженію подвергались они въ Азіи вездѣ, гдѣ находились подъ властію магомешанъ; тогда какъ испорикіи рассказываютъ, что государи, копорымъ приписываются ярлыки, славились ревностными приверженцами ученія Магомешова, и летописи наши полны печальными сказаніями о разореніи Ташарами церквей и монастырей, и слезными повѣстями о разныхъ князьяхъ принявшихъ въ Ордѣ отъ эшихъ же самыхъ хановъ смерть мученическую за твердость свою въ вѣрѣ хрисіанской? Не находится ли по этому содержаніе ярлыковъ въ совершенномъ пропировѣчьи съ исторіею? Не показываютъ ли это самыя права и преимущества, даруемыя въ нихъ духовенству, что ярлыки сочинены въ Россіи самимъ духовенствомъ, не во время Ташарскаго владычества, когда это ни къ чему бы не послужило, а въ позднѣйшее время, съ тою цѣлію, чтобы, показавъ какъ самыя враги Россіи, нехрисіи, бусурмане, покровительствовали

духовенству, подвигнушь эпимъ православныхъ царей къ соревнованію и дарованію духовнымъ новыхъ правъ или сохраненію прежнихъ; чпобы, пакъ сказашь, попрекашъ ихъ эшими ярлыками, приговаривая какъ авторъ приписки къ нимъ у Новикова: „Вы православнии и хрисполюбивии Царіе и Князи и Бояре, пощипесея къ свяшымъ Божимъ церквамъ всяко благопвореніе показаша . . . и милоспшь и милоспшью . . . да не посрамлени будете опъ онѣхъ варваръ въ день судный!“

Ошвѣчаемъ: нѣшъ! Въ продолженіе тысячелѣтняго сущеспвованія народа Русскаго духовенство наше, всегда вѣрное высокому призванію своему, не осквернялось никогда шакою ложью, шакими дѣлами духа пьмы; довольспвовалось всегда шѣмъ, чпо имѣло, не спремилось къ увеличенію свѣпскаго могущеспва своего пушями неправыми; пошому нѣшъ ново-да обвиняшъ его въ подлогъ и въ наспоющемъ случаѣ, не говоря уже о шомъ, чпо прошивъ подлога съ его спороны вопіюшъ и другія обспояшельспва: ярлыки даны не одному какому-либо монаспьрю, не одной эпархіи, а духовенству цѣлой Россіи, мишпрополишамъ извѣспнымъ свѣпоспшо жизни. Предполагая подлогъ, надо предположисъ согласіе на оный цѣлаго духовенспва, по крайней мѣрѣ высшаго, а намъ нравспвенное чувспво не позволяешъ вѣрисъ возможности шакаго ужаснаго поспупка въ какомъ бы шо ни было народѣ, шѣмъ болѣе въ православномъ царспвѣ Русскомъ. Исчисленныя въ ярлыкахъ права, льгошы и преимуще-

спва оно дѣйствительно должно было получить опъ хановъ , ибо дѣйствительно пользовалось ими какъ издревле такъ и долгое время по сверженіи Монгольскаго ига. Когда Іоаннъ III Васильевичъ хопъль опобрапъ у духовенства принадлежавшія ему села и деревни, и собралъ для этого въ 1500 году соборъ , по мишрополянпъ Симонъ опъ лица всего собора писалъ ему: „ Также , Государь , и въ нашихъ Русскихъ спранахъ при швоихъ прародителяхъ , при В. К. Владиміръ и при его сыпъ В. К. Ярославъ даже и до сихъ мѣспъ , свяпшители монастыри грады и волости , слободы и села имѣли , и суды и управы и пошлины и оброки и дани церковныя держали по божеспвеннымъ велѣніемъ и успановленіемъ“ и пр. И далѣе: „Многи и опъ невѣрныхъ и нечеспивыхъ Царей въ своихъ царспвахъ опъ св. церквей и опъ священныхъ мѣспъ ни что же не имаху и зѣло по свяпныхъ церквахъ побораху, не шокмо въ своихъ спранахъ, но и въ Русскомъ вашемъ царспвіи, и *ярълики* давали“ (Истор. Гос. Росс. ш. VI. прим. 622 стр. 340 и 457). Да и въ самыхъ лѣтописяхъ находимъ эпому подтвержденіе. Въ Софійскомъ временникъ, подъ 1255 годомъ чипаемъ: „шое же зимы пріѣхаша численницы опъ Ташаръ , и сочшоша всю землю Рускую шолько не чшоша игуменовъ, поповъ и чернцовъ и кшо служипъ свяпнымъ церквамъ“ (Соф. Врем. изд. Спроева. ш. 1, стр. 269). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1257 годомъ: „шое же зимы пріѣхаша численницы ис-Ташаръ и изоч-

поша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Муромскую . . . пошю не чпоша Архимандриповъ и игуменовъ и иноковъ и поповъ и дьяконовъ и крилошанъ и всего причета церковнаго.“ (п. Ш. спр. 37). И въ ней же подь 1275 годомъ: „погожь лѣна бысь на Руси и въ Новгородъ число (перечисленіе народа) вшорое изъ Орды опть Царя. Изочпоша вси кромѣ священниковъ“ (Ibid. ст. 59). Когда лица духовныя и весь причетъ церковный не входили въ общую народную перепись, значить они избавлены были опть подапей, не плапили ни чего въ казну завоевателей Россіи; пошому, что цѣлью переписи у Монголовъ было не иное чпо, какъ правильное обложение народа подапями. Для эпого единспвенно принимали они на себя шрудъ перечислять подвластные имъ народы, а не изъ спастиспическаго любопытства. Такъ было въ Китаѣ, Маверауннагрѣ, Персіи, пакъ должно было быть и въ Россіи.

Теперь, когда сомнѣнія относително дачи правъ и льготъ, помянутыхъ въ ярлыкахъ, удалены положительнымъ свидѣтельствомъ лѣпописей, остается объяснить еще: почему жаны дѣйспвовали такимъ образомъ, чпо заснавяло ихъ пишпшь пакое уваженіе къ нашей религій и служителямъ ея, и выражашъ его споль убьшочно для казны своей и мусульманскаго правотѣрія. Карамзинъ, (Исп. Гос. Росс. Т. IV. спр. 71) а вслѣдъ за нимъ и другіе спарались объяснить это явленіе; но вмѣшпо того, чпобы опъискивать его причины, ихъ придумывали,

вмѣсто того, что бы проникнуть основательно въ сущность дѣла, ограничивались предположеніями безъ доказательствъ, и противорѣчили сами себя. Такъ какъ наспоціій вопросъ довольно важенъ, мы считаемъ не лишнимъ объяснить его съ нѣкошорю подробностію.

Можно предполагать, какъ и предполагають вообще, что причины расположенія къ нашему духовенству со стороны хановъ были политическія; что, покровительствуя ему, они имѣли въ виду упрочить свое владычество, связавъ его съ выгодами класса, копорый всегда и вездѣ имѣлъ могущественное вліяніе на народъ; сдѣлавъ себя изъ духовныхъ не враговъ ярыхъ, какими бы они необходимо явились шерпя припѣсненія опгъ Тапаръ, а заспунниковъ усердныхъ, копорые видѣли бы свою пользу въ игѣ наложенномъ иноплеменными на ихъ соощественниковъ; но мы не думаемъ, чтобы Золото-Ордынскіе ханы были въ соспоянніи поняшь шакую умную хощя и просщую политику, и слѣдовать ей поспоянно въ печеніе двухъ сощъ лѣтъ. Изъ испоріи ихъ владычества надъ Россією, изъ того, какъ допустили они усиливъсь Московскимъ князьямъ, какъ сами содѣйствовали соединенію раздробленной Россіи, тогда какъ имъ должно было поддерживать всѣми силами это раздробленіе, нельзя заключать, чтобы они были хитрыми, дальновидными правителями. Нѣтъ, причины ихъ покровительства духовенству, ихъ уваженія къ нашей религіи были другія, именно: оп-

существованіе въ нихъ религіи , а вслѣдствіе того и всякой религіозной ревности, величайшая вѣроупорность , и вмѣстѣ съ тѣмъ безпредѣльное суевѣріе.

Национальной религіи у Монголовъ не было. До Чингиса мѣсто религіи заспунали имъ нѣкоторыя темныя вѣрованія въ какое-то Высочайшее Существо, (копорое, равно какъ и небо, они означали словомъ *Тангри*), и поклоненіе солнцу , лунѣ, горамъ , рѣкамъ , спихіямъ и предкамъ , копорымъ приносились жертвы нерѣдко кровавыя (16). Виновниками всѣхъ золъ и бѣдствій своихъ считали они злыхъ духовъ, копорыхъ боялись ужасно и старались задабривать приношеніями, черезъ посредство *Камовъ*, бывшихъ вмѣстѣ жрецами , кудесниками, гадашелями и лекарями. Существованіе этихъ злыхъ и опчасніи добрыхъ духовъ, и могущественное вліяніе на нихъ Камовъ—были каппиальными догматами ихъ вѣрованій; кромѣ того они имѣли шьму разныхъ другихъ предрасуд-

(16) Такъ Кышайскіе историки рассказываютъ , что по смерти Апаки, основателя царства Киданьскаго, вдова его Шуру лишила жизни нѣсколько сопенъ Киданьскихъ вельможъ, для того чпобы они сопровождали покойнаго на погъ свѣтъ (Записки о Монголіи О. Іакинѣа. Т. II, стр. 160). Такъ изъ Персидскаго историка Вассафа узнаемъ, что въ могилу Гулагу зарыты были вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ (Доссона Hist. des Mongols. vol. III. p. 407). См. также Марко-Паоло, кн. I. глава LIII и LIV, и Жана де Мавлевиля, гл. XIXXX.

ковъ и суевѣрій, короче: у нихъ былъ шопъ родъ религій, копорый нѣкогда сущесшовалъ у всѣхъ средне и сѣверо-воспочныхъ Азійскихъ народовъ, и нынѣ называется шамансшвомъ, копорого держался еще и пеперь всѣ дикари сѣверной Азіи, и копорый, по ученію Конфуція сорокъ вѣковъ исповѣдуютъ Кыпайцы (Плано-Карпини, кн. II, глава 3; Доссона Hist. des Mongols. vol. I. p. 16—17, Записки о Монголіи О. Іакинѣа. Ч. I. стр. 188—190). Чингисъ явился Монголамъ чѣмъ-шо въ родѣ пророка. Самъ выдавалъ онъ себя за челоувѣка, предназначеннаго Небомъ для владычества надъ міромъ, шакимъ признанъ былъ опъ единоплеменниковъ, и велѣнія его сдѣлались для нихъ самыми свяпыми, самыми ненарушимыми законами, сдѣлались для нихъ почти религіозными догматами. Чингисъ самъ не держался ни какого вѣроисповѣданія, признавалъ бышіе одного Высочайшаго Сущесства, но былъ припомъ суевѣренъ какъ и всякій Монголь (17), пошому боялся всѣхъ боговъ, и буддійскаго и мусульманскаго и хрисціанскаго; всѣхъ ихъ желалъ задобрить, какъ задабривалъ національныхъ злыхъ

(17) „Монгольскій Государь (Чингисъ) передъ каждымъ походомъ заспавлялъ Блюй-Чуца предварительно ворожить удачно ли будетъ предпріятіе; также и самъ поверялъ его ворожбу сожиганіемъ бараньяго легкаго (коспи?) и потомъ уже приступалъ къ дѣйсшвию.“ Гань-Му въ Исторіи первыхъ чешырехъ хановъ изъ дома Чингисова. Пер. съ Кышайск. О. Іакинѣа. Спб. 1829. стр. 107).

духовъ (18), попому оказывалъ всегда величайшую въроперпимость, и одинаково покровительствовалъ духовнымъ всѣхъ религій (19), какъ посредникамъ между людьми и ихъ опносительными божествами, какъ камамъ, копорые могли укрощать ихъ гнѣвъ или испрашивать ихъ милоспъ по волѣ. Эпу же въроперпимость, равное уваженіе ко всѣмъ религіямъ, освобожденіе опть всякихъ подапей и повинностей ихъ служителей, а шакже и всякаго рода ученыхъ, предписывалъ онъ и своимъ преемникамъ. Эпъ и другія предписанія и успановленія Чинкгиса, основанныя большею часпію на древнихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ Монголовъ, и обнародованныя имъ на курилшаѣ (сеймъ) 1206 года, собраны были въ одну книгу, копорую Монголы называли *Тунджинъ*, и копорую Персидскіе писатели ципируютъ подъ именемъ *ياسا نامہ* *Яса-Намэ* „книги запреповъ“, чаще просно подъ именемъ *ياسا* *Яса*, иногда же подъ именемъ *ياسا و تورای جنکيزخانی* *Яса ве*

(18) Любопытнымъ памятникомъ върованія Чинкгиса въ злыхъ духовъ оспался для насъ камень, посвященный имъ 335 *Эмэ*, особеннаго рода крылатымъ демонамъ. См. объ этомъ Bericht ueber eine Inschrift aus der aeltesten Zeit der Mongolen-herrschaft, von. I. J. Schmidt, въ Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St. Petersbourg. VI-me serie. Sciences hist. Tome II.

(19) چون جنکيز خان تابع هيچ دين و ملت نبود از تعصب و
ترجيه ملتي بر ملتي احتراز واجتناب نمودی
въ Роузеш-эс-Сефа. См. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi, vol. V. p. 205 и 221.

Тура-и-Дженгизхани „запрешовъ и законовъ Чинк-гисъ-хановыхъ“ (20). По смерти Чинкгиса, эши „запрешы и законы“ сдѣлались для преемниковъ его и всѣхъ Монголовъ вообще единспвенными, но за то въ высшей степени обязательными правилами въ жизни и правленіи, спали для нихъ Ведами, Евангеліемъ, Кораномъ. При восшествіи хановъ на престолъ приносили Яса и присущствующіе клялись соблюдать въ точности всѣ содержащіяся въ ней повеленія (21). Нарушеніе ихъ какимъ бы то ни было лицомъ считалось величайшимъ преступленіемъ и наказывалось спрожайшимъ образомъ. Въ самомъ Яса, государя не соблюдавшаго ихъ предписывалось свергать съ престола и держащъ въ започеніи цѣлую жизнь (Notices et extraits. vol. V, p. 206). Сообразно съ эшими закона-

(20) Эпосъ памятникъ Чингисова законодательства не дошелъ до насъ въ цѣлости, и мы знаемъ его только по отрывкамъ, цитированнымъ разными Мусульманскими писателями. О законахъ Чингисовыхъ см. Пши-де Лакруа *Vie de Genghizkhan; Notices et extraits des manuscrits*, vol. V. p. 205—229; Доссона *Hist. des Mongols*. V. I. p. 290 и слѣд; Де-Саси *Chrestomathie arabe*, II, 58; *Histoire des Mongols de la Perse par Raschid-ed-Din*. vol. I. p. CLX — CLXIX; Гаммера *Geschichte des Goldenen Horde in Kip-tschak*, s. 182 — 202.

(21) *Hist. des Mongols de la Perse par Raschid-ed-Din*. Préface. p. CLXVII. Онѣ исполнялись еще при Тамерланѣ и его преемникахъ, и, какъ говоритъ Маркизи, имѣли силу закона даже въ Египтѣ. *Ibidem*, и въ *Chrestomathie arabe par De Sacy*; vol. II, p. 60.

ми, все Монгольскіе императоры, преемники Чингиса, покровительствовали одинаково всемъ религіямъ (22), одинаково освобождали оцъ подапей какъ поповъ и монаховъ, шакъ муллъ, ламъ и шамановъ, и въ одно и то же время исполняли обряды и присутствовали при церемоніяхъ Христіанъ различныхъ сектъ, Магомешанъ, Буддистовъ и язычниковъ другихъ религій. Жены и приближенные императоровъ слѣдовали въ поочности ихъ примѣру. Рассказывая о послѣднемъ обстоятельстве, Рубруквисъ (глава XXXVI) объясняетъ, что „дѣлали они все это для того, чтобы получить шъ блага, которыхъ желали и избѣгнушь шѣхъ золь, которыхъ могли ихъ посщичъ, не подозревая, чтобы религіозные обряды могли имѣть какую-либо другую цѣль.“ Императоръ Мангу любилъ слушать споры проповѣдниковъ разныхъ вѣръ; но когда Рубруквисъ началъ говорить ему насмѣшливо о своей, Мангу отвѣчалъ: „все люди обожаютъ одного и того же Бога, и всякому свобода обожать его какъ угодно; благодѣянія же Божіи, равно на всехъ

(22) „Они не принуждаютъ ни кого къ отступленію отъ своей вѣры или закона“ говоритъ Плато-Карпини о Татарахъ, а Винцентій Бовезскій прибавляетъ: „Христіанамъ и всякимъ вѣроисповѣданіямъ позволяють они у себя отправлять богослуженіе свободно и безопасно; да и во всехъ владѣніяхъ своихъ не обращаютъ вниманія на людскіе обычаи, только бы повиновались имъ во всемъ, и служили какъ приказывають“ (Собр. пушеш. къ Татарамъ; изд. Языковымъ. Стр. 86—87).

изливаемыя, заспавляютъ каждого изъ нихъ думать, будто его вѣра лучше другихъ“. Не смотря на чисный деизмъ эпитъ словъ, Мангу „приносилъ жерпвы небу, солнцу, лунѣ и горамъ“, и „крайнѣ вѣрилъ волхвованіямъ шамановъ и ворожей, при каждомъ предпріятіи призывалъ ихъ къ себѣ, и не скучалъ бытъ съ ними почти каждый день“, говоритъ Кипайская исторія дома Юань (Исп. перв. чеш. хановъ. Спр. 322, 331 и 350). Преемникъ Мангу, Хубилай, хотя и особенно расположенъ къ Буддизму, уважалъ шѣмъ не менѣе и религію Христіанъ, Мусульманъ и Евреевъ. Марко-Паоло (кп. II. гл. II) рассказываетъ, что въ шѣ дни, когда Христіане праздновали большіе праздники свои, онъ призывалъ ихъ предъ себя, и съ благоговѣніемъ цѣловалъ Евангеліе, приказавъ прежде окадиль его. — Но къ Христіанамъ Монгольскіе государи были вначалѣ вообще болѣе расположены чѣмъ къ Магомеланамъ или послѣдователямъ другихъ религій (23). Виною сему были пре-

(23) Пано-Карпипи пишетъ, что Куюкъ имѣлъ при себѣ христіанскихъ священнослужителей и давалъ имъ содержаніе, и что передъ большимъ шатромъ его стояла всегда христіанская часовня, въ которой они явно и открыто пѣли и звонили къ часамъ. (Собр. Пуп. къ Тапарамъ. стр. 42). „Мангу-Ханъ былъ благочестивъ, и при дверяхъ главнаго дворца своего имѣлъ церковь, гдѣ священники отправляли свои религіозныя обязанности безпрестанно и безъ всякой помѣхи. Онъ очень любилъ Христіанъ“ (Спец. Орпеліанъ въ Мѣмоігез юг l'Armenie Сецъ-Маршена. vol. II. p. 135).

Имущественно для обспоашельства по, что нѣ-копорыя Монгольскія и Турецкія поколѣнія, какъ Кераншы и Уйгуры, были болѣе или менѣе обращены въ хрисціанство Неспоріанскими проповѣдниками еще за долго до Чинкгиса, и по, что многіе государи имѣли женъ хрисціанокъ, сильно покровишельствовавшихъ своимъ единовѣрцамъ. Это особенное благоволеніе къ Хрисціанамъ, и крещеніе, которое многіе государи и вельможи принимали какъ неважную и ни къ чему не обязывающую церемонію, и подали поводъ западнымъ Европейцамъ счишашъ Монголовъ за Хрисціанъ, слѣдспвіемъ чего были многочисленныя посольства миссіонеровъ въ Среднюю Азію ко двору императоровъ, посольства, совершенно не достигшія своей цѣли (24).

Гулагу и первые преемники его въ Персіи отличали Хрисціанъ особенными милоспіями, все по тому же, что жены ихъ были хрисціанки. О женѣ Гулагу, по имени Докузь-хашупъ, Рашидъ-уд-Динъ рассказываетъ: „она поспоашно поддерживала Хрисціанъ, и при жизни ея они очень усилились. Гулагу, изъ уваженія къ ней, оказывалъ имъ большія милоспіи и почести, до шакой степени, что на всемъ пространствѣ его владѣній они выспроили себѣ новыя церкви, у входа же въ орду (спавку) Докузь-хашунъ спояла всегда походная часовня и

(24) Подробности эспѣхъ посольствъ и дѣйствій хрисціанскихъ Миссіонеровъ въ Средней Азіи можно найши въ Мосгеймовой: *Historia Tartarorum ecclesiastica*, Helmstadi, 1741.

звонили въ колокола“ (Hist. des Mongols de la Perse par Rachid-eldin. Paris. 1836. vol. 1 p. 94). Эпо покровительство, которое оказывали Христіанамъ Гулагу и жена его, и было причиною того, что Армянскіе и Сирійскіе историки не находили довольно словъ, чтобы превознесши достойно высокія качества обоихъ супруговъ, тогда какъ Гулагу былъ такой же варваръ Монголь какъ и другіе. (См. Исторію Орпеліановъ Стефана Орпеліана въ Mémoires sur l'Arménie Сенъ-Маршена. vol. II. p. 123 и 151 (25); Баръ-Гебрея Chronicon Syriacum. p. 542; Гайшона Hist. orient. гл. XXVII). Преемникъ Гулагу, Абака, женашъ былъ на побочной дочери императора Михаила Палеолога, и милостями своими къ Христіанамъ также заслужилъ ихъ похвалы (Пахимерь, кн. III. глава 3; Стефанъ Орпеліанъ. I. с. p. 153); но здѣсь эпъ милости имѣли уже опшасши и цѣль политическую. Въ расположеніи къ себѣ Христіанъ онъ и его преемники могли имѣть опору и помощь противъ мусульманскихъ владѣтелей Египта и Сиріи, съ которыми непрерывно

(25) Вотъ слова Стефана: „Господу извѣстно, что они (Гулагу и Докузь-Хашунъ) опносительно благотворительности ни чѣмъ не уступали Константину и матери его Еленѣ.“ Сукіасъ Сомаль доказываетъ впрочемъ, что „Исторія Орпеліановъ, переведенная Сенъ-Маршеномъ, не есть произведеніе Стефана Орпеліана, а часть другаго сочиненія: „Исторія Грузинцевъ,“ напечатанной въ 1775 году въ Мадрасѣ. См. Quadro della storia letteraria di Armenia estesa da Placido Sukias Somal. Venezia. 1829. p. 119.

находились въ войнѣ. Какъ цѣнили они эту мощь и какъ искали ее у западныхъ Христіанъ, доказывающъ многочисленныя посольства ихъ къ папамъ и дворамъ Французскому, Англійскому, Испанскому и другимъ (см. *Mémoires sur les relations politiques des princes Chrétiens et particulièrement des rois de France, avec les empereurs mongols*, par M. Abel-Rémusat. Paris. 1822 и 1824). Обстоятельствъ это было такъ важно, что преемники Абаки долго колебались: принять ли имъ исламизмъ или христіанство, чего ревностно добивались ихъ подданные и окружающіе, исповѣдывавшіе ту или другую изъ этихъ религій. Принятіе религій было лишь для нихъ политическою мѣрою, а не дѣломъ убѣжденія. Окруженные проповѣдниками разныхъ сектъ; Христіанами, Евреями; Магомешанами, Буддистами, которые безпрестанно спорили о догматахъ и превосходили въ одной вѣры передъ другою, они невольно лишались всякаго религіознаго убѣжденія, и если покровительствовали болѣе той или другой религій, то не вслѣдствіе убѣжденія, и расчепа, или привычекъ дѣйства. Такъ преемникъ Абаки, Тегударъ, крещеный въ младенчествѣ, оказывалъ понемногу болѣе расположенія къ Мусульманамъ, и по восшествіи на престолъ торжественно принялъ исламъ, ибо былъ воспианъ Мусульманами (Гайшонъ; гл. XXXVII); но ревность его къ исламу была не въ духъ тогдашнихъ Монголовъ, и онъ лишенъ былъ престола недовольными за оспавленіе имъ древнихъ

обычаевъ (Баръ-Гебрей. Спр. 605). Преемнику Тегудара, Аргуну, копорый любилъ Хрисціанъ и Буддистовъ, и у копорого дѣши были крещены, Мусульмане приписывали намѣреніе выдашь себя за пророка и основашь новую религію (Вассафъ, въ Досоповой Hist. des Mongols. IV. 51—53). Это очень вѣрояшно, ибо сообразно съ обшояшельствами. Великіе Моголы въ Индіи, относительно религіозныхъ понятій находились въ такомъ же положеніи, какъ Гулагиды въ Персіи, и нѣкопорымъ изъ нихъ приходили въ голову такія же идеи и намѣренія, какъ и Аргуну. Однѣ и шѣ же причины, при одинаковыхъ обшояшельствахъ, производяшъ однѣ и шѣ же слѣдствія. Очеркъ Байду-хана, шешаго владѣшеля Персіи изъ рода Гулагу, оставленный намъ Сирійскимъ испорникомъ Баръ-Гебреемъ, превосходно изображаетъ религіозное сосшояніе всѣхъ Монгольскихъ власшителей Персіи, колебаніе, нерѣшительность, страхъ ихъ предашься шому или другому исповѣданію. „Байду“ говоритъ онъ „былъ государь крошкій, скромный, человекъ любивый; любилъ ученыхъ и даровитыхъ людей какой бы націи они ни были, осыпалъ ихъ щедрошами и одарялъ почешными плашьями. Въ бесѣдахъ съ Греческою принцессою, женою Абаки, копорую посѣщалъ въ шеченіе многихъ лѣшъ, онъ получилъ хорошее мнѣніе о Хрисціанахъ, позволилъ имъ имѣшь часовни въ своей ордѣ и звонить въ колокола. Онъ сказывался имъ даже хрисціаниномъ и носилъ крестъ на шеѣ; но онъ не смѣлъ показывашъ къ нимъ сво-

его расположенія очень опкрыпо, попому чпо сдѣлался магомешаниномъ по примѣру большей части Монголовъ въ Персіи, которые въ это время обратились въ исламъ. Тѣмъ не менѣе онъ все не соблюдалъ обрядовъ этой вѣры, и Магомешане были очень злы на него за расположеніе его къ Хрисціанамъ, которые получили многія должности въ его споль кратковременное царствованіе (Chron. Syriac. p. 609). Гайшонъ паденіе этого государя также приписываетъ злобѣ на него Мусульманъ. „Государь этотъ“, говоритъ онъ, „былъ хороший хрисціанинъ, далъ позволеніе спроишь церкви, и приказалъ, чпобы никто не осмѣливался проповѣдывать ученія Магомешова между Ташарами; но какъ изъ нихъ было много шакихъ, которые приняли уже исламъ, по это приказаніе пришло имъ очень не по сердцу. Ради этого оправили они тайно людей къ Газану, сыну Аргуну, предлагая возвести его на престоль, если шолько онъ опречется опъ хрисціанской вѣры. Газанъ, который былъ не очень ей преданъ (qui n'avait pas grande religion), принялъ ихъ предположеніе и поднялъ бунтъ. Байду собралъ войско чпобы захватить его, ибо не зналъ объ измѣнѣ своихъ. Такимъ образомъ, когда дѣло дошло до битвы, всѣ шѣ, которые были Магомешанами въ войскѣ Байду, оправили его и перешли на сторону Газана. Видя себя опавленнымъ, Байду обратился въ бѣгство, но былъ прелѣдованъ и убитъ“ (Hist. orient; глава XL). Мусульманскіе испорики превозно-

саятъ православіе и ревность къ исламу эпого Газана; но мы не думаемъ, чшобы эшо было справедливо. По сказаніямъ самихъ Магометпанъ онъ принялъ исламъ шолько для достиженія прешшюла. Религія служила ему шолько средшвомъ для выполненія замысловъ честшлюбія. Да и законы Чинкгиса, предписывавшіе религиозное равнодушіе, пользовались еще между Персидскими Мопголами слишкомъ большимъ уваженіемъ, чшобы Газанъ могъ ихъ нарушашь смъло исключительною привязанностію своею къ Мусульманамъ: прешшвенникъ Байду-хана, Гайхану, свержень былъ съ прешшюла именно за несоблюденіе законовъ Чинкгиса и обычаевъ предковъ (Chron. Syriac. Спр. 601). Прешшвъ преданности Газана исламу говорашь многія общешпельства. Самъ онъ имълъ женою христіанку, дочь государя Армянскаго, и одну изъ родшвенницъ своихъ ошдалъ въ замужштво за Армянскаго же владъшеля Семпада; искалъ союза съ Христіанами прешшвъ мусульманскихъ владъшелей Египша, и когда христіанскіе государи Запада, считавшіе его полу-христіаниномъ, въ письмахъ къ нему называли Мусульманъ „врагами бошшими,“ мало того, чшо не оскорблялся эшимъ и не спарался разуверить ихъ въ прешшвномъ, онъ ошвъчалъ на эшъ письма дружескими посольствами и увърялъ ихъ въ гошовности своей принявъ христіанштво (History of Armenia by Mich. Chamich, translated from Armenian by J. Audall. Calcutta. 1827 vol. II. p. 272; Абель-Ремюза: Mémoires sur les re-

lations, etc. p. 127-130). Наконецъ мусульманскій же писатель Новайри именно говоритъ, что Газанъ на словахъ исповѣдывалъ исламъ, а дѣлами доказывалъ прошивное, покровительствуя Христіанамъ (Hist. des Mongols Доссона. IV, 260). Когда помянутый выше Гайхату лежалъ одержимый опасною болѣзнію, то, по словамъ Вассаса, собравы были улемы, имамы, епископы, монахи и даже равнины, чтобы молить Бога о продолженіи его жизни (Ibid. IV. 86). Преемникъ Газана, Олджайту, также былъ въ дѣтствѣ крещенъ матерью своею Урукъ-хатунъ, женатъ на Маріи, сестрѣ императора Андроника младшаго, и только въ послѣдствіи принялъ исламъ (Гайшонъ, гл. XLV; Пахимеръ, кн. VII, гл. XXV). Наконецъ и скорое паденіе владычества Гулагидовъ въ Персіи Абель-Ремюза приписываетъ религіозному равнодушію, не позволившему имъ укрѣпить своего могущества искреннимъ принятіемъ вѣрованій христіанской или мусульманской части своихъ подданныхъ (Mémoires sur les relations etc. p. 125). И точно, покровительствуя по шѣмъ, по другимъ, они не могли привязать къ себѣ ни копорыхъ.

Таково было религіозное поведеніе властителей Персіи изъ потомства Чинкисова. Такъ же строго соблюдались предписанія Яса и въ Ордѣ Джагатайской. Въ подтвержденіе сего имѣемъ мы свидѣтельство путешественника XIV вѣка Ибнъ-Батуны, который рассказываетъ о Джагатайскомъ ханѣ Тарма-ширинѣ: „Эпошъ Тарма-ширинъ на-

рушилъ нѣкоторыя успавы Чинкгисъ-хана, обнаружившаго книгу подъ названіемъ *Эль-ясакъ* „Запретъ“, кошорою постановлялось, что нарушитель какаго-либо изъ ея успавовъ долженъ былъ лишиться своего мѣсна (слѣдуетъ описаніе одного изъ успановленій Яса) Тарма-ширинъ нарушилъ это постановление, что почитено было великимъ оскорбленіемъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого какъ мы выѣхали изъ этой земли, Ташаре, вмѣстѣ съ своими вельможами, собрались и низложили его, а на престолъ возвели одного изъ его родспвенниковъ. Тарма-ширинъ бѣжалъ, но былъ умерщвленъ (*Travels of Ibn Batuta* p. 92). Изъ другихъ испочниковъ извѣстно, что этотъ ханъ спарался о введеніи ислама между своими подданными. Вѣроятно, что это обспоятельство было также одною изъ причинъ неудовольствія на него бюспителей Яса. (*Geschichte der Hunnen und Türken etc. von Deguignes. Uebersetzt von J. K. Dähnert. Greifswald. 1769. vol. III. s. 334 (26).*)

Обратимся къ Золошой Ордѣ. Общій законъ проявляющся во всѣхъ часпныхъ явленіяхъ. Хань Золошой Орды были такіе же попомки Чинкгиса какъ Гулагиды въ Персіи, какъ Джагашаиды въ Ма-

(26) Слѣды уваженія къ успановленіямъ Яса сохранялись въ Туркиспанѣ еще во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, какъ видно изъ описанія этой страны составленнаго въ 1773 году однимъ Маньчжуйскимъ чиновникомъ. „Въ первый день новаго года“, говоритъ онъ, „Ахуны судили о добродѣтеляхъ и порокахъ Акимъ-Бека.“

верауннагръ и Туркистанъ, почно также обязаны были исполнять вельнія Яса, соблюдашь поже предписанное Чинкгисомъ равнодушіе ко всѣмъ вѣрованіямъ, покровишельство духовенству всѣхъ исповѣданій, слѣдственно и въ Золотой Ордѣ должны были повпоряться болѣе или менѣе шѣ же явленія, какія видѣли мы въ другихъ родственныхъ ей ордахъ. Такъ и было. До Берге-хана предшественники его оспавались вполнѣ вѣрными однѣмъ суевѣріямъ предковъ. О Башыгъ Хопдемиръ говоришь, что „онъ не исповѣдывалъ ни какой религіи, не принадлежалъ ни къ какой сектѣ, поклонялся только единому Богу“ (Исторія Монголовъ. Пер. съ Персидскаго. Спб. 1834. стр. 49). О сынѣ его Сарпакъ шли слухи, что онъ христіанинъ; но Рубрукъ вись разубѣдился въ эшомъ, когда увидѣлъ его лично. Берге первый изъ Золото-ордынскихъ хановъ принялъ исламъ (Ibid. и Абульгази *Historia Mongolorum et Tartarorum nunc primum tatarice edita. Casani. 1825. p. 97*). Чшо побудило его къ эшому, не знаемъ; но знаемъ, что Русскіе свободно осправляли свое богослуженіе въ столицѣ его Саратъ, пошому чшо въ 1261 году миспрополишь Кириллъ у-

Если находили его добродѣтельнымъ, шо оспавляли, а если ошкрывали какія прошивузаконныя дѣла, шо вмѣстѣ съ народомъ ошмѣняли его и предавали смерти.“ О. Іакиневъ прибавляешъ, что обыкновение эшо продолжается и до нынѣ (Описание Джунгаріи и Восточнаго Туркистана. Пер. съ Кишайск. монахомъ Іакиневомъ. Часпъ II. стр. 199).

чредилъ памѣ епархію, извѣстную подѣ именемъ Сарайской, и пославилъ шуда епископомъ Миспрофана (Никон. лѣтоп. ш. III. спр. 41). Знаемъ, что прежде того, въ 1297 году, при перечисленіи народа въ Россіи, духовенство и весь причетъ церковный не вошли въ „число“, то есть не были обложены подашями (Ibid. спр. 37; Софійск. Временникъ. ш. I. спр. 269). О Ногаѣ извѣстно, что онъ женатъ былъ на христіанкѣ Эвфросиніи, побочной дочери императора Михаила Палеолога (Пахимеръ, кн. III, гл. 5). При Менгу-Темирѣ, въ 1275 году, было второе перечисленіе народа въ Россіи, и духовенство опять не вошло въ „число“ (Ник. лѣт. III, 59). Удѣльный князь Можайскій Федоръ Роспиславичъ женился на его дочери, ханъ позволилъ ей креститься, и она опличалась попомъ ревностно къ вѣрѣ и благочестіемъ (Степенная книга. Москва. 1775. часть 1, спр. 393-397; Исп. Гос. Росс. ш. IV. спр. 105 (27). Ханъ Тохтагу женатъ былъ на дочери императора Андроника старшаго, а Узбекъ на дочери Андроника младшаго (Пахимеръ, кн. III, гл. XXVII; Ибнъ-Башуна; спр. 83). Обо всѣхъ этихъ бракахъ съ хри-

(27) „Если сія повѣсть новѣйшихъ лѣтописцевъ справедлива,“ говоритъ Карамзинъ, „то вѣроятно, что Федоръ былъ зацемъ не Менгу-Темира, а Ногаѣ, женатаго на Христіанкѣ и не хотѣвшаго принять вѣры Магометанской.“ Вотъ что значитъ увлечься какою нибудь ложною мыслью, какъ мысль Карамзина о ревностномъ ислализмѣ Золото-ордынскихъ хановъ: вездѣ она бу-

спіанскими княжнами упоминаемъ мы попому, что они не могли осваиваться безъ вліянія на благоспомяніе Хрисіанъ, по крайней мѣрѣ духовенства хрисіанскаго, а съ другой стороны доказываютъ, что ханы вовсе не были такими жаркими приверженцами Магомешова ученія, какими изображаютъ ихъ наши испорки. Пойдемъ далѣе. Объ Узбекѣ льшописи наши говорятъ: „Озбекъ войде въ богомерскую вѣру Срачиньскую“ (Воскрес. льш. II, 281); и „Сяде Царь Азбекъ на царство и обесерменился“ (Ник. льш. III, 189). Абульгази (Hist. Mong. et Tatar. p. 98) повѣствуетъ, что онъ *ایل واولوسنی دین اسلام غه* „обрашилъ къ исламу народъ свой и землю свою“, о самомъ же Узбекѣ выражается, что онъ *اتا باباسینینک دستوری برلان ضبط قیلدی* „правиль по закону (или обычаю) опцовъ и дѣдовъ своихъ“. Изъ всего этого необходимо надо заключить:

1) Что если Берге и принялъ прежде того исламъ, то онъ не утвердился ни въ родѣ его, ни между подданными; иначе не за чѣмъ было Узбеку принимать его вновь. Что по этому вѣроятно, что ни Мангу-Тимуръ ни Тохтагу, ни Тула-Буга, ни Туда-Мангу, ни другіе предшественники Узбека не были мусульманами (28).

дешъ показывать вещи не въ настоящемъ свѣтѣ и вводить въ ложныя сужденія и заключенія.

(28) Правда, на монетахъ этихъ хановъ встрѣчаемъ символы магомешанскіе, изъ которыхъ надлежало бы заключать, что если не по убѣжденію, такъ наружно испо-

2) Чшо самъ Узбекъ до вспушленія на пресполь не былъ мусульманиномъ, и принявъ исламъ уже по вспушленіи на царшво, сдѣлалъ эшо изъ какихъ нибудь видовъ, шѣмъ болѣе, чшо правиль попомъ не по закону Пророка, а по обычаю дѣдовъ и опцовъ.

Вошъ и „Узбекъ славный въ лѣпописяхъ Восшока ревностію къ вѣрѣ Магомешовой“ какъ выражается Карамзинъ (И. Г. Р. IV, 162). Эшопъ же Узбекъ, какъ видимъ изъ Ибнъ-Башупы, покровительшвуешъ Хриспіанамъ въ Кафѣ (Travels, p. 75), и позволяешъ каполическому монаху Іонъ Валенсу обращашъ въ хриспіаншво Ясовъ и другіе народы по берегамъ Чернаго моря, въ чемъ Валенсъ и подвизаешся съ успѣхомъ (Raynaldi Annales ecclesiastici, ad ann. 1338, No 74 и 75; Шпраля Веу-

вѣдывали они исламъ; но мы не можемъ сдѣлать тако-го заключенія въ настоящемъ случаѣ, предполагая, чшо монешчиками первыхъ хановъ были вѣрошвно Булгарскіе, Харизмскіе или Бухарскіе Мусульмане, которые могли sua sponte выбивашъ эши символы на монешахъ; ибо видимъ шѣже самыя символы на монешахъ Чинкгиса, Мангу, Гулагу, Абаки, о которыхъ знаемъ навѣрное, что они не принимали ислама, и видимъ хриспіанскій символъ: „Во имя Отца и Сына и Св. духа Бога единосущнаго“ на монешахъ того же Абаки, Аргуна, о которомъ не извѣстно, что бы онъ шоржеспешвно исповѣдывалъ религію Спасителя, и Ахмеда, о которомъ знаемъ, что онъ являлся ревностнымъ магомешаниномъ. См. Френа: *Resensio numorum* etc. p. 179, 193 - 204, 634 - 637; и его же: *Монешы хановъ улуса Джучи*. Спр. 60.

träge zur Russischen Kirchengeschichte. Halle. 1827. I, 158). И эпопѣ же Узбекъ выдаешъ за Георгія Даниловича Московскаго сестру свою Кончаку и позволяешъ ей креститься. „Дѣло не весьма согласное съ ревностию сего хана къ вѣрѣ Магомешовой!“ восклицаетъ Карамзинъ (И. Г. Р. IV, 167). Точно, несогласное съ ревностию къ вѣрѣ Магомешовой, — да мы не видимъ эпой ревности ни въ Узбекѣ, ни въ комъ изъ его предшесипвенниковъ и преемниковъ.

Теперь, если до Узбека ханы Золотой Орды не исповѣдывали ислама, или исповѣдывали только на словахъ, а не на дѣлѣ, такъ по крайней мѣрѣ можно ожидать, что послѣ него они были уже настоящими мусульманами; но что же дѣлаешъ преемникъ его Джанибекъ, когда жена его Тайдула впадаетъ въ тяжкую болѣзнь?—Ждетъ исцѣленія ея отъ христіанина, шлетъ къ В. К. Юанну Юанновичу по митрополита Алексѣя, и пишетъ ему: „слышали мы, что ешь у васъ попъ, копорому Богъ даешъ все по молитвѣ его. Пусните къ намъ сего служителя Божія, да испроситъ онъ здравіе моей супругѣ“ (Степенная книга. I, 455). И Алексѣй отправляется въ Орду, кропитъ ханшу святою водою, и мольбами угодника Божія ханша выздоравливаетъ. Если бы ханы Золотой Орды и не соблюдали вѣроштерчимости и уваженія къ духовенству всѣхъ вѣроисповѣданій, предписанныхъ Чингисомъ, такъ они могли и должны были жаловать паше духовенство за однѣмъ этакія

услуги и чудеса, и пѣшъ сомнѣнiя, что пакiя чудеса не мало содѣйствовали поселенiю въ нихъ уваженiя къ христiанской религiи, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшенiю его къ мусульманской; ибо, какъ въ наспоющемъ случаѣ, они видѣли, что Небо явно благосклоннѣе къ моливцамъ духовныхъ Русскихъ, чѣмъ ихъ мусульманскихъ. Наконецъ льпописи наши рассказываютъ, что у Бирдибека были сыновья Михаилъ и Иванъ, спало бышъ христiане (Ник. льп. III, 312; Троицкая, въ Ист. Гос. Рос. IV. прим. 391).

Спрашиваю: гдѣ же во всѣхъ исчисленныхъ фактахъ видѣнъ испуленный фанатизмъ магометанскiй? Вездѣ, напрошивъ, находимъ уваженiе къ вѣрѣ христiанской, или, по крайней мѣрѣ, шерпимостъ религиозную (29). Теперь, надѣмся, понятно почему ханы давали нашему духовенству тѣ права, льготы и преимущесства, конюрья видимъ мы данными ему въ ярлыкахъ: милоспи эшъ не были ни чѣмъ особеннымъ, необыкновеннымъ, исключительнымъ, а проявленiемъ общаго закона вѣрошер-

(29) По этому Шпраль очень ошибается говоря, что со времянь Берге, Тапаре сдѣлались пламенными приверженцами Корана; что *wilder Fanatismus und Intoleranz bezeichneten nun alle ihre Handlungen, und Grausamkeiten geübt an Christen schienen ihnen Werke der Tugend.* (*Geschichte der Russischen Kirche.* Halle. 1830. s. 258). Сполько же несправедливъ онъ, когда по случаю освобожденiя духовенства опъ подаетъ, замѣчаетъ: *so geschah es doch keineswegs aus Grossmuth oder Achtung vor fremder Religion, sondern aus bloser Schlaueheit und List* (*Ibid.* s. 248).

пимосши, слѣдспвіемъ покровительсва духовнымъ
всѣхъ вѣроисповѣданій, которое предписано было
Чинкгисомъ, и соблюдалось попомками его вездѣ,
гдѣ они властвовали, въ Кипчаѣ какъ въ Персіи
одинаково. Поняшно почему ханы оказывали та-
кое уваженіе къ нашей религіи, что за хулу на
нее грозили смертною казнію: уваженіе это завѣ-
щано было имъ законодательемъ ихъ великимъ Чин-
кгисомъ, память котораго (и успавы были для
нихъ священны. Такое же уваженіе питали они и
ко всѣмъ другимъ религіямъ въ мірѣ, никакой же
смертной казни подвергался всякой, кто бы взду-
малъ хулить ихъ. Поняшно почему они просили
моливъ за себя и родъ свой: это было слѣдсп-
віемъ вѣрованія ихъ, что всѣ религіи одинаково хо-
роши, одинаково ведутъ въ одной цѣли — опвра-
щать зло, которымъ грозятъ небеса или низве-
сли его милосши, и что сдѣлашь что и другое
зависитъ отъ воли духовныхъ какъ посредниковъ
между людьми и небомъ,—вѣрованія, оставленнаго
имъ въ наслѣдіе также Чинкгисомъ. И вслѣдспвіе
этого вѣрованія моливы христіанскаго священ-
ника казались для суевѣрія ихъ одинаково дѣй-
ствительными, одинаково достигающими цѣли,
какъ и моливы имама и ламы, или заклинанія
шамана.

Спираннымъ можешъ показаться, какъ могла
держаться такая система абсолютнаго безвѣрія
или совершеннаго суевѣрія; но взглядишь въ нее
ближе, и увидишь, что она заключала въ себѣ мно-

го елементовъ жизненности , ибо уживалась удивительно и съ умами шѣсными и съ умами обширными. Въ умахъ шѣсныхъ она давала огромную пищу суевѣрїю, свойственному невѣжеству и недальновидности, а умы обширные, но не просвѣщенные свѣтомъ ученїя Спасителя, могли смотрѣть на нее съ той точки зрѣнїя, что вся религія суть не иное что, какъ видоизмѣненїя поклоненїя одному и тому же Высочайшему Существо; что каждая имѣетъ свою хорошую сторону, но ни одна не соединяетъ всѣхъ, и потому умный человекъ можетъ въ одно и то же время исповѣдывать всѣ и не держаться ни одной, если это ему полезно, или оказывать преимущественно покровительство той или другой, смотря по обстоятельствамъ. На обряды разныхъ вѣръ можно было смотрѣть съ этой точки зрѣнїя не болѣе какъ на обряды и не придавать имъ особенной важности. Система эта была, слѣдственно могла и должна была быть. Она родилась и поддерживалась вслѣдствіе обстоятельствъ. Столкновеніе столькихъ вѣрованій въ одну точку, соединеніе столькихъ разновѣрныхъ народовъ подъ одинъ скипетръ, не могло и произвести въ необразованныхъ власпителей пакихъ массъ ничего кромѣ суевѣрїя или религіознаго равнодушія. Но по мѣрѣ того какъ условїя, подъ которыми образовалась эта система, уничтожались, уничтожалось и владычество ея надъ умами. Мѣстные религіи прїобрѣтали поспешенно болѣе и болѣе силъ, и шолераннизмъ Монголовъ популя-

наконецъ совершенно въ исламизмъ и буддизмъ. Впрочемъ, той же самой системы держався досель Манджуйскіе власнители Кишай. Въ одно и тоже время, какъ папріархи класса ученыхъ, они совершаютъ поклоненіе Небу, Земль и Конфуцію, молясь духамъ, которыхъ чшутъ Тао-се, и обожаютъ Шакья-Муни-будду, воплощеннаго въ лицъ Хушухъ, не находя ни какого противорѣчія во всѣхъ шрехъ споль противуположныхъ религіяхъ.

Осрается разръшить еще одно недоумѣніе: Если Золопо-ордынскіе ханы оказывали шерпимосшь и уваженіе ко всѣмъ религіямъ, слѣдовательно и къ хрисіанской, то какимъ же образомъ многіе изъ нашихъ князей погибли въ Ордѣ мученической смерщю за швердосшь свою въ сей послѣдней, какъ рассказываютъ наши лѣтописи, а за ними повшоряютъ тоже и наши испорики? Тутъ было недоумѣніе и со стороны князей, и со стороны лѣтописцовъ и испоріографовъ. Чшо князья наши погибали въ Ордѣ, и чшо причиною шому была опшасши и ихъ хрисіанская ревность — это фактъ неоспоримый, но которыхъ не шолько не служилъ опроверженіемъ сущесшвованію въ Ордѣ системы покровительсшва и уваженія ко всѣмъ религіямъ, но служилъ новымъ оному доказательсшвомъ. Припомнимъ, чшо смершная казнь назначалась шамъ наказаніемъ за хулу всякой религіи, а не одной хрисіанской, слѣдсшвенно и за хулу магомешанской. За чшо на примѣръ замученъ въ Ордѣ Романъ Ольговичъ Рязанскій? За шо, чшо хулилъ законъ Ма-

гометовъ, говорятъ лѣтописи; по понятіямъ же Монголовъ, наказывашъ за хулу одной вѣрѣ было совсѣмъ не то, что за приверженность къ другой. Тутъ есть большая разница. Припомнимъ также, какъ доказано выше, что есть довольно основательный поводъ думать, что Менгу-Темиръ, при кошоромъ произошла мученическая смерть Романа, не былъ даже мусульманиномъ, следовательно ни какъ не могъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ по внушенію мусульманскаго фанатизма, а исполнять только со спрососио законы Чингиса. Но по понятіямъ самаго Романа, по понятіямъ его соотечественниковъ и единовѣрцевъ, умереть ругая мусульманскую вѣру значило умереть за пвердосъ въ христіанской. И князь былъ правъ и лѣтописцы правы. Доказательствомъ, что не за приверженность къ христіанству, не изъ мусульманскаго фанатизма, убивали князей нашихъ въ Ордѣ, можетъ служить и умерщвление Михаила Ярославича Тверскаго. Во все время пребыванія въ Ордѣ, и даже по произнесеніи ему смершнаго приговора, Ташаре, замѣчаютъ лѣтописи, не мѣшали ему „пвориши ничпоже, еже по закону Христіанскому пворима супъ“ (Ник. лѣт. III, 119). Справедливо или нѣтъ, но ханы казнили князей за преспуленія политическія, какъ ослушниковъ своей воли, какъ измѣнниковъ, бунповдиковъ. Многие князья погибли безвинно, жертвою клеветы, шли въ Орду на вѣрную гибель, единственно для спасенія народа своего отъ бѣдспвій, и цѣною собственной жизни покупали спокойствіе подданныхъ.

Эти жертвы благородной любви къ опечесиву, эти мученики, полагавшіе жпвоиъ за брапій, будущъ вѣчно поминаемы съ благодарностію въ земль Русской, будущъ всегда служивъ украшеніемъ быпописаніямъ нашего опечесива, но — Ташаре мучили ихъ не изъ фанатическаго приспрасія къ ученію Корана!

Грабежи церквей и монаспырей нашихъ войсками хановъ пакже не доказывающъ противъ уваженія ихъ къ нашей религіи. Это имѣло мѣсто въ военное время, во владѣніяхъ ослушныхъ князей, а когда надлежало наказывать ослушныхъ, то, по Чингисовымъ же законамъ, Монголы ничего не должны были щадить.

Полагаемъ, что мы удалили всѣ поводы сомнѣваться въ истинности ярлыковъ, и предполагаемъ подлогъ, какіе могли возникнуть изъ ихъ содержанія. Оно ни въ чемъ не противорѣчитъ открывающемуся изъ соображенія другихъ историческихъ источниковъ. Формы, въ кошорыхъ изложено это содержаніе, пакже не подающъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію, будучи совершенно сходны съ шаковыми же другихъ однородныхъ произведеній Монгольскихъ канцелярій, какъ докажетъ это ихъ сравненіе.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Форма ярлыковъ.

Спарѣйшій изъ ярлыковъ, Менгу-Темировъ, начинается такъ „Безсмершнаго Бога силою“; Бирдибековъ и Ашполяковъ: „Безсмершнаго Бога силою и величеспвомъ“; Узбековъ: „Вышняго и безсмершнаго Бога силою и величеспвомъ и милоспію его многою“. Всѣ эшѣ варіаціи проснаго начала Менгу-Темирова ярлыка сущъ переводъ Монгольской фразы: *Монгкэ Тегрійинъ кюхундурь* „Вѣчнаго Бога (или Неба) силою“, копорая опносится къ слѣдующему за нею имени хана, и означаешъ, что власпію своею считаешъ онъ себя обязаннымъ одному Богу или Небу. Фразою эпою начинаюшся всѣ древнѣйшіе извѣстные памятники Монгольской письменности. Въ письмѣ хана Аргуна къ королю Французскому Филиппу прекрасному, писанномъ въ 1289 году, она находишся въ томъ самомъ видѣ, какъ привели мы ее по Монгольски. (*Mémoires sur les relations etc. par Abel-Remusat. p. 170; Zugabe zu den zwei mongolischen-original-Briefen der Könige von Persien Argun und Oldshaitu. Von I. J. Schmidt. St. Petersb. 1824. s. 7*). Въ указъ Чинкгиса Байджу-

Ноюну, сохраненномъ для насъ Асцелиномъ въ Лапинскомъ переводѣ, она переведена такъ: „Per praesertum Dei vivi“ (Собр. пупеш. къ Ташарамъ. Спр. 206). Въ томъ же видѣ, какъ въ письмѣ Аргуна, находимъ ее и въ письмѣ Ахмеда къ Египетскому султану Келауну, писанномъ въ 1282 году (30), и на монетахъ хана Газана (31). Въ послѣдствіи, при болѣе преданныхъ исламизму ханахъ Чингизидскихъ фраза эпоа замѣнилась изрѣченіями корана, какъ видно эпоа изъ ярлыка Тохшамышева Беку Хаджи, въ которомъ мѣсто ея занимаетъ слѣдующая: „Надежда моя на Бога и упованіе на благоспѣ и милоспѣ его“ (Журн. Мин. нар. проsv. годъ 1840. Книжка осьмая). Въ вышеупомянутомъ письмѣ Ахмеда находимъ какъ древнюю языческую, такъ вмѣстѣ съ нею и мусульманскую: „Во имя Аллаха всемилоспѣваго, всемилосердаго.“

Далѣе въ помянутыхъ чепырехъ ярлыкахъ слѣдуетъ обращеніе *съ словомъ*: „Менгу - Темирово слово“; „Азбяково слово“; „Бердебеково слово“; „Апюлякъ царь слово рекъ.“ Такъ и во всѣхъ ярлы-

(30) Въ Французскомъ переводѣ Доссона: Par la puissance de Dieu (Hist. des Mongols. III, 563). Въ переводѣ Ремюза: Par la puissance du Dieu très-haut (Mémoires etc. p. 96).

(31) Френа De Ilchanorum numis. Petropoli, 1834. p. 30. См. также Nachtrag къ цитированной выше книгѣ академика Шмидта: Philologisch-kritische Zugabe u. s. w. Шмидтъ первый прочелъ на Гулагидскихъ монетахъ эту и другія Монгольскія надписи, которыя не могли объяснить Тиксепъ, Адлеръ и Марсденъ, описывавшіе монеты, на которыхъ оныя находятся.

кахъ, копорые имѣемъ мы на Ташарскомъ и другихъ лзыкахъ, за изрѣченіемъ „силою Бога“ слѣдуетъ имя хана, такой-шо, „слово мое“ *ѹкге мину* по Монгольски *سوزم* *сѹзюмъ* по Ташарски.

Ярлыкъ опъ ханши Тайдулы мипрополишту Ионъ или Ивану начинается прямо: „Тайдулино слово“, безъ предшеспвующаго въ другихъ „силою Божіею“. Такъ и бышь должно: если Тайдула и имѣла власпъ дѣлашь и приказывашъ шо или другое, шакъ власпъ эшу имѣла она въ качеспвѣ жены ханской, имѣла ее не опъ Бога, а опъ мужа.

Тайдулины ярлыки мипрополишамъ Теогноспу и Алексью начинающся шакъ: „по Зенебекову ярлыку Тайдулино слово“. „По Зенебекову ярлыку“ можешъ значить либо шо, чшо свой ярлыкъ она дала въ дополненіе къ мужнину, какъ знакъ своей благосклонности, какъ приказъ своимъ собственнымъ чиповникамъ въ подшверженіе мужнина ярлыка. Эшо можно заключашъ изъ ярлыка Теогноспу, въ кошоромъ упоминаешся, чшо Теогноспъ пожалованъ уже былъ ханскимъ ярлыкомъ за алою шамгою; либо слово ярлыкъ должно принимашъ здѣсь не въ смьслѣ „письменнаго указа“ а просшо „повелѣнія словеснаго“, шо ешъ, чшо словами эшими Тайдула означаешъ, чшо ярлыкъ свой даешъ она по приказанію или съ позволенія мужа. Въ эшомъ значеніи, шо ешъ „приказанія“ находимъ мы слово ярлыкъ и на монешахъ Узбека, бишыхъ въ Сараѣ, въ 726 году гиджры (1325-6 по Р. X), на кошорыхъ написано: *یرلیغ ہمایون* „биша по Высочайше-

му повелѣнію“ (32). Такъ же начинаешся и письмо Байджу-Нояна къ папѣ, сохраненное Асцелиномъ: *Dispositione Divina ipsius Chaan transmissum, Baiothnoy verbum*. „Силою Божіею, по приказанію (или вслѣдствіе ярлыка) самаго хагана, Баюиной слово мое“. Тоже находимъ и въ письмахъ Персидскихъ хановъ Ахмеда и Аргуна, признававшихъ надъ собою верховную власть хагановъ Великой Орды. Они писали: „Силою Божіею, по милосши (или изволеніемъ) хагана, слово (или повелѣніе, ярлыкъ) шакого-шо“.

Вслѣдъ за „словомъ“ идетъ во всѣхъ ярлыкахъ (кроме давняго Тайдулою Іонъ или Ивану) исчисленіе разныхъ военныхъ, гражданскихъ, финансовыхъ, полицейскихъ и придворныхъ чиновниковъ, къ копорымъ обращается это слово. Не во всѣхъ ярлыкахъ порядокъ перечисленія одинаковъ, но почти во всѣхъ перечисляются одни и тѣ же чиновники.

(32) На другихъ, вмѣсто حکم ہمایون یرلیغ ہمایون видимъ, какъ на Сарайскихъ 1336 — 7 года, или از حکم ہمایون, что означаетъ поже самое. См. *Recensio numorum Muhammedanorum acad. imp. scient. Petropolitanae. Aust. S. M. Fraehn. Petropoli. 1826. p. 211, 218, 219;* и его же: *Монеты хановъ улуса Джучіева. Спб. 1832. стр. 7 и 9.* Знаемъ еще монету Чингиса съ такою же надписью:

فان العادل جنکيز خانينک یرلیغی „вельніемъ правосуднаго каана Чингиса,“ и нѣсколько съ шаковыми же, битыхъ Джагагайскими владѣтелями Сююргаммишемъ и Махмудомъ. На первыхъ читаемъ: سیورغتمش یرلیغی: „По повелѣнію Сююргаммиша, эмиръ Тимуръ Курканъ;“ на вторыхъ: سلطان محمود یرلیغی امیر: „По повелѣнію султана Махмуда, эмиръ Тимуръ Курканъ.“ См. *Recensio. p. 224-6; Монеты улуса Джучи. стр. 60.*

Тоже самое расположеніе , перечисленіе тѣхъ же самыхъ чиновниковъ и почпи въ шакомъ же порядкѣ, полько съ исключеніемъ нѣкопорыхъ или прибавкою другихъ находимъ въ помянутыхъ выше ярлыкахъ Тохшамыша, Кушлукъ-Тимура и Сахибъ-Гирея, равно какъ и въ договорахъ Джанибека и Бирдибека съ Венеціанами.

По перечисленіи чиновниковъ начинается въ нашихъ ярлыкахъ самое дѣло , изложеніе даруемыхъ правъ, льготъ и преимуществъ. Такъ и въ другихъ, о копорыхъ сейчасъ упомянуто: за переборомъ чиновъ, къ копорымъ ханы обращаютъ слово , излагается кому , почему , и на какой конецъ дается ярлыкъ.

Все заключается показаніемъ: 1) года, мѣсяца и дня, когда писанъ ярлыкъ по Монгольскому лѣточисленію , а иногда и съ прибавленіемъ мусульманскаго; 2) мѣста , гдѣ находилась орда , когда писанъ ярлыкъ ; 3) лицъ , докладывавшихъ и писавшихъ ярлыкъ. Тѣмъ же самымъ и въ шакомъ же порядкѣ оканчиваются и многупомянутые ярлыки Тохшамыша, Кушлукъ-Тимура, Сахибъ-Гирея, и договоры Джанибека и Бирдибека съ Венеціанами.

Образъ и порядокъ изложенія, приемы и формы изслѣдуемыхъ нами ярлыковъ совершенно одинаковы съ шаковыми же Ташарскихъ , подлинники копорыхъ существуютъ и достоверность копорыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Спало бытъ и съ этой стороны ярлыки наши выходятъ изъ боя съ побѣдою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лица, давшія и получившія ярлыки.

Изъ имѣющихся семи ярлыковъ чепыре даны ханами, при ханшею. Чшо ханы имѣли право и могли давать льготныя и жалованныя грамоты своимъ подданнымъ, какими въ отношеніи къ нимъ были Русскіе, этого никакъ не спашь оспаривать. Кроме того въ вышеприведенныхъ мѣстахъ нашихъ грамотъ и лѣтописей (срр. 11-15) мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, чшо ханы давали ихъ. Трое изъ эшихъ хановъ: Менгу-Темиръ, Узбекъ и Бирдибекъ—лица извѣсныя въ исторіи, и намъ не нужно объяснять, когда они царствовали. По крайней мѣрѣ наши и мусульманскіе лѣтописцы говорятъ объ нихъ довольно, для того чшобы мы не сомнѣвались въ ихъ существованіи; но не шакъ чепвертый изъ эшихъ хановъ, шопъ, кошорый далъ ярлыкъ мишрополишу Михаилу, — ханъ Ашюлякъ, по Новиковскому изданію ярлыковъ, или Тюшякъ, какъ въ Суздальской лѣтописи.

Хана, кошорый бы носилъ шо или другое изъ эшихъ именъ, мы не находимъ ни въ спискахъ ха-

новъ Золошой Орды, оставленныхъ намъ мусульманскими писателями, ни въ лѣтописяхъ опеченныхъ. Спало бышь эпого хана не существовало, спало бышь эпо ханъ выдуманный и ярлыкъ его подложенъ? Нышь, ни шо, ни другое. Были въ Ордѣ шакіе ханы, о копорыхъ не упоминаюшъ ни наши лѣтописи, ни Магюмешанскіе испорикки, но въ существованіи копорыхъ мы ни мало не сомнѣваемся, пошому, чню до насъ дошли другія неопровержимыя свидѣтельсва онаго — монешы сихъ хановъ. Таковъ, напрымѣръ, Орду-Меликъ-ханъ, копораго знаемъ нюлько по монешамъ его, бшымъ въ Азовъ и Новомъ Сараѣ въ 762 г. гиджры (1362-1 по Р. Х. (См. Recensio etc. p. 272; Монешы хановъ улуса Джучи. Спр. 17). Можешь спашься, чшо были и шакіе ханы, онѣ копорыхъ даже и монешъ не осталось, какъ не осталось ихъ, или по крайней мѣрѣ не извѣстно доселѣ, онѣ хановъ, копорыхъ знаемъ по другимъ испорическимъ испочникамъ, напрымѣръ онѣ Тула-Буги, Тинибека, Токпакія, Баррака и другихъ. Слѣдовашельно если бы мы и не нашли имени Ашюляка или Тюпяка ни на монешахъ ни въ лѣтописяхъ нашихъ и мусульманскихъ, все бы мы не имѣли права опшвергать существованіе шакаго хана; но мы опшщемъ его, припомнивши въ какомъ исковерканномъ видѣ встрѣчаемъ иногда въ нашихъ лѣтописяхъ имена хановъ. Абдъ-ул-Лаха называюшъ онѣ Овдуломъ; Джелаль-эд-Дина — Зелени или Зелепъ - Салпаномъ; Мохаммедъ-Булака — Маманшъ или Мамашъ-Салпа-

номъ. Такъ и въ Ашюляка или Тюпяка могли перекреспить переводчики или переписчики ярлыковъ какого-нибудь хана сходнозвучнаго имени Тапарскаго, подъ копорымъ мы давно уже его знаемъ. Припимая эпо въ соображеніе, равно какъ имя Мамая, копорый въ ярлыкѣ называется дядею Ашюляка, и 1379 годъ, когда данъ и писанъ ярлыкъ, мы признаемъ въ Ашюлякѣ или Тюпякѣ — Тулунъ-бекъхана, оиъ копораго дошли до насъ монеты, бипыя въ Новомъ Сараѣ въ 773 году гиджры (1371 - 2 по Р. Х. См. Френа *Resensio etc.*, p. 294; его же Монеты улуса Джучи. спр. 22).

Три ярлыка мипрополисамъ Теогноспу, Алексью и Юнъ или Ивану дала ханша Тайдула, жена Джанибекова. Объ ней молчатъ Воспочиыя лѣтописи, за шо цѣлую повѣсьиъ рассказываютъ наши. За исключеніемъ эпой повѣсьи объ исцѣленіи ея мипрополипомъ Алексѣемъ, мы узнаемъ еще изъ лѣтописей, что въ 1359 году она лишена была жизни во время смященій въ Ордѣ, при низверженіи съ престола Неврузъ-хама (Ник. лѣп. III, 216). Вопросъ: правдоподобно ли, чтобы ханши могли давашь ярлыки вообще, и шакого содержанія, какъ Тайдулины пѣмъ болѣе, шо ешь, чтобы они могли вмѣшивашься въ дѣла государспвеннаго управленія въ шакой степени, въ какой видимъ мы вмѣшательспво со стороны Тайдулы? Можемъ ли мы вѣрнить эпому, шога какъ въ Европѣ привыкли думатъ, что женщины у всѣхъ Азіапскихъ народовъ не только не принимаютъ ни какаго уча-

спія въ правленіи, но едва ли имѣюшъ какія-либо права гражданскія? Да, мнѣніе это сущесвуешъ, и опъ часнаго повпоренія пріобрѣло силу аксіомы, но оно не основашельно. Всегда и у всѣхъ Азіатскихъ народовъ, женщины имѣли часпо огромное вліяніе на дѣла, были виновницами многихъ важныхъ событій. Гаремныя интриги не разъ свергали и возводили на престолъ государей, и есть много примѣровъ, что самый престолъ этотъ занимали женщины, даже въ государствахъ мусульманскихъ, гдѣ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо на Востокъ уважалось и уважается достоинство женщины. Исчисленіе подобныхъ случаевъ въ разныя времена и у разныхъ народовъ Азіи удалило бы насъ слишкомъ отъ предмета нашихъ изслѣдованій, потому мы ограничимся здѣсь бѣглымъ взглядомъ на значеніе и права женскаго пола только въ государствахъ Монгольскихъ.

Одна кочевая жизнь сама по себѣ дѣлаетъ уже женщину болѣе дѣятельнымъ членомъ общества, чѣмъ какимъ является она у народовъ осѣдлыхъ. Въ прудахъ и опасносняхъ ея женщины принимающъ большое учаспіе, опшого пользующя и бѣльшими правами и бѣльшимъ уваженіемъ. Если вѣришь словамъ Вольнскаго льпописца, а мы не видимъ почему бы имъ не вѣришь, шо Монголы поклонялись пѣнямъ не шолько опцовъ своихъ и предковъ мужскаго пола, но и пѣнямъ маперей (Исп. Гос. Росс. Т. IV. пр. 45); значишь женщина высоко спояла во мнѣніи Монгола, была совершенно равною мужчинѣ. Изъ преданій, сохраненныхъ

Кипайскими, Персидскими и Монгольскими историками, видимъ, что женщина по имени Алунгъ-Гоа или Аланкова была долгое время правительницею разныхъ Монгольскихъ поколѣній по смерти мужа своего. Тоже самое и въ шѣхъ же испочникахъ чинаемъ о Менулуни (*Geschichte der Ost-Mongolen. s. 61; Historia Mongol. et Tatar p. 37; Исторія перв. чеш. хановъ. Спр. 2 и 37; Исторія Монголовъ. Спб. 1834. Спр. 8-9*). Когда, по смерти Исукая, опца Чинкгисова, повиновавшіяся ему поколѣнія опложились опъ сего послѣдняго и опкочевали, вдова Исукая погналась за ними, лично предводишельствуя войскомъ, и большую часть успѣла вернуть (*Исп. перв. чеш. хановъ. спр. 9 и 38*). Чинкгисъ оказывалъ большое уваженіе къ своимъ женамъ, и въ Яса повелѣлъ щадить женщинъ и не причинять имъ зла даже во время смятеній и войны, когда прошивъ непокорныхъ надлежало употреблять неумолимую жестокость, когда забывались даже правила вѣроуверенности и уваженія къ предметамъ религіознаго обожанія и лицамъ духовнымъ (*Доссона Hist. des Mongols. III, 605*). — Жены Монгольскихъ императоровъ и хановъ имѣли каждая свою орду, то есть дворъ, своихъ конюшихъ, букауловъ и другихъ чиновниковъ (*Ibid. II, 4*); имѣли каждая свой юртъ, т. е. удѣлъ, состоящій изъ одного или нѣсколькихъ городовъ, или цѣлой области, доходы съ которыхъ поступали въ ихъ собственную казну и собираемы были ихъ собственными чиновниками (*Hist. des Mongols Доссона*

vol. III, 420, IV, 90 и въ другихъ мѣстахъ). По крайней мѣрѣ такъ было въ Великой Ордѣ и Персїи, а попому по аналогїи можно предполагать существованіе того же и въ другихъ ордахъ. Думаемъ, что ханши могли имѣть иногда даже свои войска, какъ имѣли ихъ принцы крови, и мнѣніе это основывается на томъ, что Чингисъ оставилъ въ наследство матери своей Улунъ три тысячи воиновъ (Ibid. II, 5). — Жены и матери властвующихъ хановъ играли всегда значительную роль въ правленїи, имѣли огромное вліяніе на всѣ дѣла государственныхныя, на всѣ милости исходившія отъ прона, наконецъ на самое избраніе государей; ибо видимъ что въ Великой Ордѣ и Персїи онѣ участвовали, и по законамъ Яса (Ibn-Batuta: Travels, p. 92) должны были участвовать во всѣхъ курлшайхъ или государственныхъ сеймахъ, собиравшихся какъ для избранія поваго императора или хана, такъ и въ случаѣ другихъ какихъ-либо важныхъ событій. По кончинѣ же императоровъ или хановъ, участіе ихъ вдовъ въ правленїи увеличивалось еще болѣе: До собранія сейма и избранія новаго государя, правительницею государства оставалась всегда одна изъ женъ покойнаго. Такъ по смерти Угедай правительницею избрана была жена его Туракина-хашунъ; на избирательномъ сеймѣ она успѣла соединить голоса въ пользу сына своего Куюка, который и провозглашенъ былъ императоромъ; но и по вступленїи Куюка на престолъ правленіе все еще нѣсколько времени оста-

валось въ рукахъ его матери (Исп. дома Юань и Гань-му, въ Исторіи перв. чеш. хановъ. стр. 299 и 300). По смерти Куюка правительницею избрана была жена его Огуль-Гаймишь, а на избирательномъ сеймѣ, спараніями Сююркукшени-хашунъ, жены сына Чинкгисова Тулуя, пресполь достался сыну ея Мангу. По смерти мужа и во время малолѣтства Мангу и другихъ сыновей своихъ, эпа Сююркукшени управляла многочисленными поколѣніями, доставшимися имъ въ удѣль, съ рѣдкимъ благоразуміемъ и пріобрѣла большое уваженіе Батхья и другихъ князей крови (Hist. des Mongols Доссона. II, 246-249). Когда Кара-Гулагу, долженствовавшій наследоватьъ удѣль дѣда своего Джагапая, умеръ, владѣніе имъ перешло къ женѣ его Органъ, которая и управляла цѣлые десяти лѣтъ (Ibid. II, 271). По кончинѣ Хубилая регентшею оставалась жена его Гокчинъ, хитросіями своимъ достигшая того, что наследникомъ Хубилая провозглашенъ былъ сынъ ея Тимуръ (Ibid. p. 506), послѣ котораго регентшею, до избранія ему преемника, была жена же его Булуганъ (Ibid. p. 506). Такъ въ Кипаѣ, подѣ правленіемъ династіи Юань, было постояннымъ правиломъ, что по кончинѣ императора, во время междуцарствія, власть переходила къ женѣ усопшаго. Въ Персіи также видимъ, что ханши участвуютъ во всѣхъ курипаяхъ (Ibid. III, 414, 551, IV, 7, 83, 480, 603, 720), мѣшаются во всѣ интриги. Жена Абу-Саида, Багдадъ-хашунъ, и дочь Олджайшу, Саши-

бикъ, были новыми Еленами послѣднихъ смутныхъ временъ владычества Монгольскаго въ Персіи. Сапи-бикъ царствовала даже нѣсколько времени опъ своего имени (33) (Ibid. IV, 729; Исторія Монголовъ. спр. 95).

Видя роль, какую играли въ правленіи жены императоровъ и хановъ въ Великой Ордѣ, въ Кипшаѣ, въ Персіи, можно ожидать, что въ Золотой Ордѣ онѣ пользовались хопя часпію тѣхъ правъ и шого вліянія, копорыя имѣли въ родственныхъ ордахъ; и дѣйствительно исторія свидѣтельствуетъ, что Золото-ордынскія ханши принимали значительное участие въ государственныхъ дѣлахъ, пользовались вліяніемъ, уваженіемъ и правами такими же какъ императрицы и ханши Монгольскія въ Монголіи, Кипшаѣ, Джагатаѣ и Персіи. Изъ разсказа Платона Карпини о Батыйѣ видно, что Батый очень уважалъ главную жену свою, ибо сажалъ ее вмѣстѣ съ собою на возвышеніи въ родѣ прона, въ шо время какъ даже братья и сыновья его должны были сидѣть ниже (Собр. пуп. къ Тапарамъ. спр. 20). Вольнская летопись повѣствуетъ, что Данилъ Галицкій, прибывши въ Орду къ Батыйю, являлся на поклонъ и къ „великой княгинѣ“ его Баракчинѣ (Исп. Гос. Росс. Т. IV.

(33) Въ мемуарѣ Френа: *De Ichonorum seu Chulagidarum numis*, р. 60, описаны двѣ монеты Сапи-бикъ, принадлежащія музею Имп. Акад. Наукъ, на копорыхъ изображено: „Правосудная Султанша Сапи-бикъ. Да продлишь Аллахъ ея царствованіе“.

пр. 302). Эпа же Баракчинъ , жена Башыева , по словамъ Рашидъ - эд - Дина , посавлена была опть императора Мангу правительницею Орды на время малолѣтства Улагчи , сына Сарпакова , назначеннаго ему въ преемники (Гаммера *Gesch. der Goldenen Horde. s. 143*). Когда Михаилъ Ярославичъ Тверской кончалъ мученически жизнь свою въ Ордѣ , онъ поручилъ сына своего Константина покровительству ханши Баяльнъ , и она защитила опть гнѣва ханскаго не только его , но и всѣхъ бояръ Михайловыхъ , успѣвшихъ опдаться въ ея покровительство (Ник. Лѣт. подъ 1319 годомъ). Ибнъ Башуша , посѣщавшій дворъ и спривовавшій во владѣнїяхъ Узбека , рассказываетъ , что когда по пятницамъ ханъ эпопъ держалъ шорженныя аудїенціи въ золотомъ шапурѣ , то самъ онъ и четыре главныя жены его сидѣли на шронѣ; передъ нимъ ниже сидѣли его дочери; сыновья же его , братья и ближайшіе родственники спояли. Когда копорая изъ эпопъхъ чепырехъ женъ входила въ шаперъ , ханъ вспавалъ , бралъ ее за руку и самъ сажалъ на шронъ (*Travels of Ibn-Batuta, translated by S. Lee. London. 1829. p. 77*). Кому извѣстны воспочные обычаи , эпопъ изъ шакаго обращенїя хана съ своими женами необходимо выведетъ заключенїе , что онъ пользовались огромнымъ уваженїемъ : да и самъ Ибнъ-Башуша замѣчаетъ , что „въ Кипчакъ къ женщинамъ имѣюпъ глубокое уваженїе , особенно къ женамъ хановъ и вельможъ“ (*Ibid. p. 76*). Князя наши , мипрополины , бояре ,

пріѣзжая въ Орду, ходили на поклонъ съ дарами, не только къ самому хану и ханшѣ, но и къ князьямъ ордынскимъ и даже ихъ женамъ. Такъ Никоновская лѣтопись (III, 116) рассказываетъ, что когда В. К. Михайлъ Ярославичъ Тверской явился въ 1319 году въ Орду, то „по обычаю дари всѣхъ князей и княгинь, послѣди самаго царя и царицу“. Наконецъ и то, что знаемъ мы о заботахъ Джанибека для излеченія Тайдулы, по поводу копорой вошли мы въ изложенныя подробности, показываетъ какъ почивали ханы своихъ женъ, какимъ заботливымъ вниманіемъ окружали ихъ. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что Тайдула могла дать, даже опъ своего имени, нѣсколько ярлыки, копорые дошли до насъ; ибо мы видѣли, что Золото-ордынскія ханши имѣли въ управленіи такое же участіе, и такое же вліяніе на дѣла какъ Велико-ордынскія, Кипайскія и Персидскія. Мѣра вмѣшательства въ дѣла государственныхаго управленія и степень вліяніе вообще, разумѣется, зависѣли много опъ личныхъ достоинствъ ханшъ, ихъ ума, красоты, оставляя въ споронѣ права на это. Одна ханша могла дѣлать то, для чего у другой не доспало бы характера, силы воли, хитрости. Такія исключенія не идутъ за правило; на нихъ мы и не основываемся, но не считаемъ лишнимъ, въ заключеніе сказаннаго о мѣстѣ, какое занимали женщины въ Монголо-Татарскомъ обществѣ, приведемъ одинъ примѣръ того вліянія, какое могла имѣть въ немъ необыкновенная жен-

щина. Говоримъ о Турканъ-хашунъ, мапери знаменитаго султана Мохаммеда Корезмъ-шаха, современника и пропивника Чингисова. Вопгь какъ обрисовываепть ее Доссонъ на основаніи извѣстій, оспавленныхъ досповѣрными писапелями: „Одаренная сильными характеромъ, она пользовалась въ государспвѣ пакою же власпію, какъ и сынъ. Когда въ какое-либо мѣсто получались два различныя повелѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, одно опгь Мохаммеда, другое опгь Турканъ-хашунъ, то обращалось вниманіе только на число, опгь котораго писаны были бумаги, и исполненіе производилось по позднѣйшему. Мохаммедъ не пріобрѣпалъ ни одной области безъ того, что бы какою-нибудь значительною ея частію не увеличилъ удѣла мапери. У нея было семь секретарей, все людей съ большими достоинспвами. Тутра ея, копорую она собспвенноручно надписывала на до всѣми указами своими, состояла изъ словъ: „Покровительница міра и религіи, Турканъ, царица на до всѣми женщинами вселенной“. Девизомъ ея было: „Одинъ Богъ мое прібѣжище“. Она носила шишулъ Худавенди-Джеганъ „власпительницы міра“ (Hist. des Mongols. I, 198).

Обращаемся къ лицамъ получившимъ ярлыки. Трое изъ нихъ, мишпрополипы Пепръ, Феогносптъ и Алексѣй—люди не только замѣчательные въ исторіи нашей іерархіи, но мужи, памяшь копорыхъ чпимъ какъ свяпыхъ. Михаилъ, названный мишпрополипомъ въ ярлыкѣ, данномъ ему опгь

Апшюляка, еспь Михайль Миппай, Спасскій архимандрипъ, копорый не дожилъ до полученія эшого сана, но извъспно чшо искалъ его. Пяшое же лицо, копорое въ ярлыкъ данномъ ему Тайдулою именуется мипрополипомъ Іоною, какъ чипаемъ въ Новиковскомъ изданіи, или мипрополипомъ Ивановомъ, какъ находимъ въ Суздальской лѣтописи, — вовсе намъ незнакомо.

Изъ мипрополиповъ Кіевскихъ и всея Руси не было ни одного именемъ Ивана. Іону знаемъ нѣсколько; но самый древній изъ нихъ, Іона свяшой, избранъ въ эшопъ санъ не ранѣе 1437 года, а Тайдула лишилась жизни въ 1359, за 78 лѣтъ до его избранія, спало бытъ ужъ никакъ немогла дать ему ярлыка. При жизни ея мипрополипами Кіевскими и всея Руси были только двое, Феогноспъ и Алексій. Въ Кіевъ и Липвъ были еще въ эшо время мипрополипы Феодорипъ и Романъ; мипрополипа же Іоны не было въ ея время. Какъ объяснишь эшо обспояпельспво? Не знаемъ, и всѣ предположенія, копорыя могли придумашъ въ объясненіе его, объявляемъ заранѣе неудовлетворительными для насъ самихъ. Ближе всего было бы предположитъ, чшо Іона, копорому данъ ярлыкъ, еспь Іона свяшой, но чшо Тайдула, давшая ему оный, не одно и шо же лицо съ Тайдулою, женою Джанибековой, а жена какого нибудь позднѣйшаго хана Золопо-ордынскаго, современнаго эшому Іонъ; только для поддержанія эшого предположенія мы не имѣемъ ни какихъ доказательспвъ. Гам-

меръ принимаешъ , не знаемъ на какомъ основаніи существованіе двухъ Тайдуль; но его впрочемъ Тайдула не объясняетъ нисколько наспоющаго запрудненія , ибо жалуя ее въ жены Узбека , онъ заставляешъ ее жить рабѣ нашей , жены Джанибековой (Gesch. d. Gold. Horde. s. 312). — Видя , что Михаилъ Мишпай , получившій ярлыкъ отъ Апполяка , названъ въ немъ мишпрополипомъ , тогда какъ не былъ еще посвященъ въ эпошъ санъ , можно подумашъ , не произошло ли и въ наспощемъ случаѣ чего-либо подобнаго , не былъ ли и эпошъ , пишупуемый въ ярлыкѣ мишпрополипомъ , Иона или Иванъ проспымъ епископомъ , копорый собирався попасъ въ мишпрополишы , и , подобно Мишпяю , выхлопашъ ярлыкъ заблаговременно. Молчаніе лѣтописей объ эпомъ объяснишь не спрудно: онъ умалчиваютъ слишкомъ обо многомъ. Наконецъ , можно предполагашъ , что всей запушанности вопроса виною ошибка писцовъ Ордынскихъ , или переводчиковъ и переписчиковъ Русскихъ , копорые проспаго епископа назвали мишпрополипомъ; и эшо предположеніе спѣмъ вѣрояпнѣе , что ярлыки получали не одни мишпрополишы , но и епископы , какъ видно , напримѣръ , изъ словъ Никоновской лѣтописи подѣ 1313 годомъ : „ярлыки имаху кождо на свое имя , и князи и епискуны.“ (III, 108). И въ шой же лѣтописи , подѣ 1329 годомъ , именно говорипся , что „пожалова царь Азбьякъ Сарайскаго владыку , даже ему вся по прошенію его , и никшо же его ни чѣмъ да не обидишь“ (III, 154), ш. е.

далъ ему ярлыкъ , который не дошелъ до насъ какъ и шьма другихъ. Описку въ словъ „мипрополишь“ можно подозрѣвать шьмъ основательнѣе , что еспь два различныя чпенія самага имени по-го лица , которому данъ ярлыкъ. Какой же епископъ былъ эпопъ Юна или Иванъ? Изъ современныхъ Тайдулъ епископовъ разныхъ эпархій не знаемъ ни одного по имени Юна. Иоанновъ было прое: Иоаннъ, епископъ Росповскій, Переяславскій и Ярославскій , хиротонисанный въ 1346 и скончавшійся въ 1355 году; Иоаннъ, который около 1352 г. былъ, можетъ быть , епископомъ Суздальскимъ , что навѣрное неизвѣстно, и Иоаннъ, епископъ Сарайскій , посавленный въ 1355 году мипрополипомъ Алексѣемъ (Исторія Россійской іерархіи, соч. Іеромонаха Амвросія. Москва. 1807. Ч. I. ст. 117 и 176. Ник. лѣтн. III, 206). Которому пибудь изъ нихъ и данъ, можетъ быть, запрудняющій насъ ярлыкъ.

Замѣчательно , что испорнки наши, упоминающіе хопя мелькомъ о прочихъ ярлыкахъ, не сказали ни слова объ эпомъ ; не напечапанъ онъ какъ шесшь другихъ и въ „Собраніи государственныхъ грамошь“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мѣсто, время и обстоятельства, въ которыхъ даны ярлыки.

Видя, что всѣ ярлыки совершенно сходны по содержанию, что во всѣхъ мишпрополишамъ, духовенству и церковному причету даюшся однѣ и тѣ же права, льготы и преимущества, мы невольно поражаемся мыслию: къ чему было столько разъ повторять одно и тоже; не довольно развѣ было дать одинъ шакой ярлыкъ, чтобы потомъ не имѣть уже надобности давать подобныя, чтобы права, льготы и преимущества, пожалованныя въ немъ однажды, оспавались неприкосновенными навсегда? Не довольно: кромѣ законовъ Яса, основныхъ конспинуюціонныхъ, долженствовавшихъ пребывать ненарушимыми для потомковъ Чингиса, всякій новый ханъ могъ опмѣнить постановленія и распоряженія своего предшественника, опсавивъ всѣхъ его чиновниковъ, опнявъ всѣ дарованныя имъ кому-либо льготы, права и имущества, и вслѣдствіе этого опмѣнлялъ ихъ или оспавлялъ въ прежней силѣ, смотря по желанію. Въ последнемъ случаѣ,

императоры и ханы, по восшествіи своемъ на престолъ, объявляли, какъ видимъ это въ Великой Ордѣ и Персіи, что всѣ, или шакіе-то и шакіе-то ярлыки и поспавовленія своего предшественника они утверждають и оспавляютъ въ полной силѣ, либо давали эти ярлыки снова, либо скрѣпляли ихъ своею подписью. Тоже должно было бытъ и въ Золотой Ордѣ; попому и вѣроятно, что каждый ханъ, по восшествіи на престолъ, давалъ духовенству нашему новый ярлыкъ. До насъ дошли шакыя только ошъ четьрехъ: Менгу - Темира, Узбека, Бирдибека и Ашюляка. Нѣтъ сомнѣнія, что были ярлыки и другихъ хановъ, но потерялись. Это свидѣтельствуется словами самихъ ярлыковъ, въ кошорыхъ говорится, что другіе ярлыки одинаковаго содержанія даны были прежде шого предшествовавшими ханами. Такъ въ Менгу-Темировомъ читаемъ: „Чингій Царь попомъ кпо ни будешъ *дали есмь жалованныя грамоты Русскимъ Митрополишамъ и церковнымъ людемъ шакы моливчи, чшобъ еше и послѣдніе Цари по шому жъ пупи пожаловали поповъ и чернцовъ и всѣхъ богательныхъ людей.... И какъ первые Цари ихъ пожаловали и мы, Богу моляся и ихъ грамотъ не изнашавая*, по помужъ жалуемъ“. — Въ Узбековомъ: *Да вси покаряюшся и повинуюшся Митрополищу, вся его церковныя причпы, по первымъ изначала закономъ ихъ и по первымъ грамотамъ нашимъ, первымъ Царей великихъ грамотамъ и дефтерямъ.*“ И далѣе: „И мы бо шакже управляемъ и

жалуемъ, якоже и прежніе Цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ. А мы пошому жъ пупи *тѣми жъ ярлыки* жалуемъ ихъ“. Еще далѣе: „И мы, Богу моляся, *по первымъ же Царей грамотамъ*, грамошны имъ давали жалованныя, а не изыначиваемъ ни въ чемъ.“ Тоже самое, и въ шѣхъ же самыхъ словахъ повпоряенся и въ другихъ ярлыкахъ. Въ Тайдулиномъ Теогноспу и Аплюляковомъ Михаилу упоминается именно объ ярлыкахъ, данныхъ нашему духовенству Джанибекомъ, Азизомъ и Бирдибекомъ. Изъ нихъ дошелъ до насъ одинъ послѣдній.

Что при вспуленіи на пресполь каждаго новаго хана надлежало просить у него новаго ярлыка, новаго подшверженія прежнимъ привилегіямъ духовенства, и что каждый ханъ давалъ, или по обычаю долженъ былъ давать шаковой, видно и изъ разныхъ мѣстъ нашихъ лѣтописей, въ копорыхъ, при сказаніи о вспуленіи на пресполь хановъ, повѣсшвуенся вмѣстѣ съ шѣмъ о хожденіи къ нимъ въ Орду мишрополиповъ за причетъ церковный и полученіи ярлыковъ. Такъ въ 1313 году умеръ Тохшагу-ханъ, вспуилъ на пресполь Узбекъ, и вопъ въ шомъ же году мишрополишъ Пепръ опправляенся въ Орду „шого ради понеже шогда въ Ордѣ Тахши Царъ умре, а новый Царъ Азбьякъ съль на царствѣ и вся обновишася: и вси прихожау въ Орду шого ради понеже шогда во Ордѣ ярлыки имаху“ (Ник. лѣт. III, 108); и получаешъ шаковой, копорый дошелъ и до насъ. Въ 1340 году умираешъ Узбекъ; на царствѣ, послѣ

разныхъ смуть, ушверждается въ 1341 году сынъ его Джанибекъ, и вопъ, въ томъ же году, мипрополипъ Теогноспъ идепъ въ Орду „за причепъ церковный къ Царю Чанибеку“, и въ томъ же году возвращается изъ Орды, куда, говорипъ шаже лъ-пописъ „ходилъ о причепъ церковномъ, имаше бо Мипрополипъ и Епискупы ярлыкы на своя причепы церковныя опъ Царей Ординскихъ“. (Ник. лъп. III, 179). Ярлыкъ, данный ему Джанибекомъ, до насъ не дошелъ, но мы имѣемъ полученный имъ, въ-роупно въ поже время, ярлыкъ жены Джанибековой, Тайдулы, въ копоромъ упоминаепся о дачѣ ему шаковаго же опъ Джанибека. Умираепъ Джанибекъ, вснупаепъ на пресполъ въ 1357 году сынъ его Бирдибекъ, и мы видимъ, что мипрополипъ Алексѣй, только что передъ тѣмъ бывшій въ Орду, опашъ туда опшправляепся. Въ лъпописяхъ, сколько мнѣ извъспно о семъ хожденіи Алексѣй, не упоминаепся; Степенная книга рассказываетъ, что цѣлю онаго было умилоспивишь Бирдибека, наложившаго шяжкій „запросъ“ ш. е. временной сборъ, на всѣхъ князей Русскихъ. (I, 456). Если эпопъ запросъ со спороны Бирдибека дѣйспвительно имѣлъ мѣсто, шо нѣтъ сомнѣнія, что опѣ-чеспволюбецъ Алексѣй, опшправляясь въ Орду, имѣлъ въ виду и освобожденіе опъ него Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень въроупно и шо, что прямою цѣлю опшправленія его къ Бирдибеку была необходомоспъ поздравипъ его по обычаю со всшупленіемъ на царспво, и ходашайспивованъ о новомъ яр-

лыкѣ въ подтвержденіе льготъ , дарованныхъ духовенству его предшественниками. Свидѣтельство эпого — ярлыкъ Бирдибека Алексѣю, имѣемъ въ рукахъ.

И мало того , что каждый ханъ , при восшествіи своемъ на престолъ , давалъ духовенству нашему ярлыкъ по образцу прежнихъ ; онъ могъ давать ихъ нѣсколько въ продолженіе своего царствованія , смотря по тому , сколько митрополюповъ перемѣнялось при немъ. Полученіе ярлыка отъ хана , какъ инвеституры на санъ свой , было для митрополюповъ столь же необходимо , какъ князьямъ полученіе ярлыковъ на княженія и города. Какъ власть князей надъ свѣтскими , такъ и власть митрополюповъ надъ духовными не имѣла законности , не утвержденная ярлыкомъ ханскимъ. Оуправляясь въ Орду , до воцаренія новыхъ хановъ , для ходатайства о возобновленіи льготъ духовенству , митрополюпы ѣздили вмѣстѣ съ пѣмъ и за собственнымъ утвержденіемъ. Сказанное основывается мы: 1) На самыхъ ярлыкахъ , копорые разбираемъ: при изъ ханскихъ очевидно носятъ характеръ инвеституры ; однимъ и пѣмъ же ярлыкомъ ханъ утверждалъ какъ преимущества духовенства , такъ и митрополюпа въ его санъ. 2) На томъ , что Персидскіе Чингизиды давали шакіе инвеститурные ярлыки митрополюпамъ Армянскимъ. Такъ въ „Исторіи Ореліановъ“ читаемъ , что Гулагидъ Аргунъ далъ въ 1288 году Стефану , митрополюпу Сіунійскому , „по обычаю на-

рода своего, ярлыкъ на управленіе церковью, народомъ и Епископами“. (Mémoires sur l'Arménie Сенъ-Мартена. II. р. 169). 3) На отправленіи въ Орду митрополиповъ Максима и Θεогноста, перваго пошчасъ по пославленіи его на митрополипство въ 1283 году, втораго вскоръ послѣ него. Во время возведенія Θεогноста на митрополипство, ханомъ въ Орду былъ Узбекъ, опъ конораго духовенство Русское имѣло уже ярлыкъ, полученный на имя митрополипа Пепра, но это не помѣшало Θεогносту ѣхать къ Узбеку. За чѣмъ ѣздилъ онъ — лѣтописи не говорятъ; за ярлыкомъ для себя — думаемъ мы.

Но мы не видимъ, чтобы митрополипы Пепръ и Алексѣй отправлялись въ Орду пошчасъ или вскоръ по хроникисаніи своемъ. Пепръ, пославленный въ 1308 году, отправился въ Орду только въ 1313, по случаю восшествія на престолъ Узбека. Алексѣй, пославленный въ 1353 году, поѣхалъ туда не ранѣе 1356 года, и по вызову хана лечить жену его Тайдулу, вслѣдствіе исцеленія конорой и получилъ опъ нея, вероятно, пошъ ярлыкъ, конорый имѣемъ мы опъ Тайдулы на имя сего митрополипа.

Возраженіемъ элимъ ни сколько не опровергается наше положеніе: мы имѣемъ въ рукахъ ярлыкъ Менгу-Темира, данный въ митрополипствованіе Кирилла III, а не находимъ въ лѣтописяхъ, чтобы Кириллъ ѣздилъ за полученіемъ его въ Орду; стало бытъ, или лѣтописи умолчали о хожденіи Кирилла къ Менгу-Темиру, слѣдственно могли умол-

чашь и о хожденіяхъ въ Орду другихъ мишрополиповъ, или ярлыки можно было получашь мишрополипамъ отъ хановъ, и не отпраляясь за ними лично въ Орду. Съ 1357 года, когда Св. Алексій ходилъ къ Бирдибеку, льпописи не упоминають болѣе ни о какомъ хожденіи въ Орду его или другихъ мишрополиповъ, его преемниковъ. Можесть бысть они и въ самомъ дѣлѣ не отпралялись туда болѣе, по разнымъ причинамъ, между прочимъ по причинѣ непрерывныхъ переворошовъ, волновавшихъ Орду. Ярлыкъ отъ Ашюляка Михаилу не доказываетъ прошивнаго. Льпописи не рассказываютъ, чпобы Михаилъ Мишпай ѣздилъ въ Орду за полученіемъ онаго, или проспо ѣздилъ туда для чего-бы то ни было. Они не упоминають даже о полученіи имъ ярлыка, а говорятъ только, чшо на пути въ Константинополь, куда Михаилъ отпралялся для испрошенія мишрополиспва у патриарха, османецъ онъ былъ Тацарамн, приведенъ къ Мамаю въ Орду, отпрауценъ пошомъ Мамаемъ „съ миромъ и спхостію“ (Ник. льп. IV, 74), и продолжалъ путь далѣе. Во время этого пребыванія въ Ордѣ и долженъ былъ онъ получить отъ Ашюляка или Тулунъ-бека шопъ ярлыкъ, кошорый имѣемъ мы отъ сего хана на имя Михаила какъ мишрополипа. Ярлыкъ Азиза, о кошоромъ упоминается въ ярлыкѣ Ашюляковомъ, равно какъ и шѣ ярлыки, кошорые давали, или могли давать, мишрополипамъ прочіе ханы отъ Бирдибека до Ашюляка и послѣ него, мишрополипы могли получашь и не ѣздя са-

ми въ Орду, а посылая шуда за ними бояръ своихъ или епископовъ, или принимая ихъ опъ ханскихъ пословъ, которые могли привозить ярлыки мипрополипамъ, какъ привозили инвестипурные и другіе ярлыки князьямъ нашимъ. Такимъ же образомъ могли получить ярлыки мипрополипы Пешрѣ и Алексѣй до хожденія ихъ въ Орду.

Когда же завелось у хановъ это обыкновеніе утверждать мипрополиповъ въ ихъ санъ? Мипрополипъ Максимъ еспъ первый, о хожденіи котораго въ Орду упоминающъ мѣстоисци. Самъ ли онъ, изъ какихъ либо видовъ, вздумалъ первый изъ мипрополиповъ ѣхать въ Орду искать добровольно утвержденія опъ Туда-Мангу, и ханы спали послѣ того шребовашъ этого какъ должнаго опъ его преемниковъ, или позвали его шуда за эшимъ первымъ, и по какому поводу—не знаемъ. Г. Наумовъ, неизвѣстно мнѣ на какомъ основаніи, говоритъ утвердительно, что „при Тода-Мангу (въ 1283) поспановлено было, чтобы и мипрополипъ, яко глава Россійскаго духовенства, являлся въ Орду для испрошенія на свой санъ утвердительной грамоты“ (объ опношеніи Россійскихъ Князей къ Монгольскимъ и Тапарскимъ ханамъ. Спб. 1823. стр. 57). Оно могло бытъ и такъ, могло бытъ и иначе. Можно было бы даже думать, что право утверждать мипрополиповъ присвоено было себѣ ханами вмѣстѣ съ правомъ полнаго владычества надъ Россіею, ш. е. при Батыгъ, если бы не противорѣчилъ этому нѣкоторымъ образомъ, подтверждая при

помъ слова Г. Наумова, ярлыкъ Менгу Темира: онъ не имѣеть, какъ позднѣйшіе, характера инвеституры, что заставляетъ думать, что первый инвеститурный ярлыкъ точно данъ былъ Максиму; ибо ни между Максимомъ и Кирилломъ не было другаго митрополита, ни между Менгу-Темиромъ и Туда-Мангу другаго хана.

Эпопъ Менгу-Темировъ ярлыкъ есть древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ. Данъ онъ Менгу-Темиромъ вѣроятно по случаю восшествія его на престолъ, въ 1266 или 1267 году. Почему издатели „Собранія государственныхъ грамотъ“ полагаютъ, что онъ писанъ между 1270 и 1276 годами,—не знаемъ. Неизвѣстно также по чьему ходатайству онъ данъ. Изъ лѣтописей, какъ сказано уже выше, не видно, чтобы Кирилъ ѣздилъ въ Орду, и если эпо дѣйствительно такъ, то можно думать, что выхлопотать его позаботился погдашній епископъ Сарайскій Феогностъ, и что Феогностъ же и доставилъ его Кириллу.

Но не Менгу-Темировымъ ярлыкомъ начинается рядъ этого рода актовъ, данныхъ ханами нашему духовенству: ханы давали ихъ и прежде, что видно изъ словъ того же ярлыка: „Чингій Царь попомъ кпо ни будепъ дали емя жалованныя грамоты Русскимъ Митрополитомъ и церковнымъ людемъ.... И какъ первые цари ихъ пожаловали, и мы, Богу моляся, и ихъ грамотъ не изынычивая по помужъ жалуемъ.“ Предшественниками Менгу-Темира были въ восходящемъ порядкѣ: Берге,

Улагчи, Сарпакъ и Башый. Кто же ходатайствовалъ у нихъ о полученіи ярлыковъ? Вѣроятно пошъ же Феогноспъ, епископъ Сарайскій, а до него Мипроэанъ, первый епископъ этой епархіи, учрежденной съ 1261 году. Замѣшимъ при этомъ въ заключеніе, что фразу „Чингій царь попомъ кто ни будепъ“ надо понимать такъ: всѣ попомки Чинкгиса властвовавшіе въ Золотой Ордѣ, а не такъ, будто говорится, что и самъ Чинкгисъ давалъ ярлыки нашему духовенству: извѣстно, что Чинкгисъ умеръ въ 1227 году, когда никто въ Россіи не имѣлъ съ нимъ ни какихъ сношеній.

До сихъ поръ мы спарались опредѣлить: когда и какъ даны ярлыки, изъ соображенія обстоятельствъ, вѣроятіями, предположеніями. Ближе, казалось бы, искать разрѣшенія этихъ вопросовъ въ самихъ ярлыкахъ: въ каждомъ находимъ означеніе года, мѣсяца и дня, когда онъ писанъ; но въ помъ — то и дѣло, что этимъ хронологическимъ числамъ нельзя много довѣрять: по изслѣдованіи оказывающіяся онъ не совсемъ вѣрными. Постараясь объяснить эти анахронизмы, сколько можемъ.

Апюляковъ ярлыкъ писанъ „овечья лѣша, Дарыка въ семь сошъ осьмое лѣшо, Солгапа мѣсяца въ 10 день нова“. Мы разсудили прежде, что онъ долженъ быть данъ въ 1379 году, и почто—осьмой или овечій годъ по Монгольскому и Тибетскому двѣнадцатилѣшнему циклу соотвѣтствуетъ 1379 году нашей эры отъ Р. X.; но по Мусульманскому лѣпочисленію отъ бѣгсыва Магоменова

онъ совпадаетъ не съ 708, какъ выставлено въ изданіи Новикова и въ „Собраніи Государственныхъ грамошъ“, и не съ 700, какъ въ Суздальской лѣтописи, а съ 780—781. Эту неправильность считаемъ мы происшедшею просто отъ описки. Хронологическія числа въ ярлыкахъ писаны были прежде вѣрояно Славянскими цифрами, которыя, при неразборчивости письма и не большой внимательности переписчиковъ, легко могли измѣняться подъ перомъ ихъ изъ однихъ въ другія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ число $\psi\bar{\eta}$ = 780 очень легко могло быть принято за $\psi\bar{\eta}$ = 708; другой переписчикъ проглядѣлъ цифру $\bar{\eta}$ и оставилъ одно ψ = 700. — „Солгапъ“ мѣсяцъ есть испорченное названіе одиннадцатаго мусульманскаго мѣсяца ذوالقعدة *Дзулкаде*. — Чтобы понять что значить: „въ 10 день Нова“ надо знать, что дни мѣсяца раздѣляются у Монголовъ на двѣ половины. Начальные 15 называющіяся *шинэ* „новыми“, остальные *хагоинэ* „вѣтхими“. (См. О Кипайскомъ Календарѣ. О. Ковалевскаго. Казань. 1835. стр. 17). По этому „въ 10 день Нова“ значить: въ десятый день первой половины мѣсяца. Что же бы такое было слово „Дарыкъ“, встрѣчаемое послѣ „овечья лѣша“, — не могу догадаться. Не могъ объяснить его себѣ и извѣстный монгологъ академикъ Шмидтъ. (Philologisch-Kritische Zugabe u. s. w. s. 26—27).

Означеніе года по мусульманскому лѣточисленію находимъ кромѣ Апюлякова еще въ Бирдибеко-

вомъ ярлыкѣ, т. е. въ двухъ позднѣйшихъ; въ остальныхъ япши, старѣйшихъ, выспавленъ онъ только по двѣнадцатилѣтнему Монгольскому циклу — еще свидѣтельство медленности, съ какою проникались исламомъ бытъ и обычаи Золото-ордынскихъ Монголовъ. Эпопъ Бирдибековъ ярлыкъ данъ „Тегигуя лѣша, десяпаго мѣсяца, въ 10 Нова; Алгаша мѣсяца въ семь сопъ осьмое“. „Тегигуя“, какъ у Новикова и въ „Собр. госуд. грамотъ“, или „Тепигуя“, какъ въ Суздальской лѣшописи, есть изуродованное Монгольское *Такия* „курица“, названіе десяпаго года двѣнадцатилѣтняго цикла. Дѣйствительно, 1357 годъ, когда Алексѣй долженъ былъ получить эпопъ ярлыкъ, былъ годомъ курицы; но годъ эпопъ соотвѣтствуетъ 758 по мусульманскому лѣпочисленію опъ гиджры, а въ ярлыкѣ воспрѣчаемъ выспавленнымъ вмѣсто шого 708 годъ, шопъ же что и въ Ашюляковомъ! Ошибка явная: здѣсь также џ љ описка вмѣсто џ љ „Алгаша мѣсяца“, какъ въ „Собр. госуд. грамотъ“, „А Лгаша мѣсяца“, какъ у Новикова, и менѣе не правильно „Салгаша мѣсяца“, какъ въ Суздальской лѣшописи, — значить въ мѣсяцъ ذو القعدة *Дзумкаде*, въ помъ же, въ копоромъ писанъ и Ашюляковъ ярлыкъ. Что значить слово „Нова“ послѣ означенія мѣсячнаго числа, объяснено выше; мѣсяцы года Монголы считаютъ по порядку, не давая имъ особенныхъ названій, и начиная счетъ съ весны, пошому мѣсяцъ дачи Бирдибекова ярлыка и озна-

чень въ немъ проспо числипельнымъ прилагательнымъ „десяшый“.

Время дачи Тайдулинаго ярлыка Алексью опредѣлено шакъ: „Еншя году, Арама мѣсяца, во 2 Вешха“. Въ Суздальской вмѣсто „Еншя“ споишь „Сипа“. Надлежало бы думашь, что „Еншя“ или „Сипа“ ешь названіе одного изъ двѣнадцати годовъ Монгольскаго цикла, шакже какъ „Тегигуя“ или „Тепигуя“ въ ярлыкѣ Бирдибека; но не шолько шакго, а даже сколько нибудь похожаго на эшо названія не находимъ между Монгольскими именами двѣнадцати лѣтъ цикла. Чшожь бы шакое было эшо „Еншя“ или „Сипа“? Ушвердительно разръшишь не беремся, но вопъ предположеніе: буква, въ Славянскомъ алфавитѣ имѣеть числипельное значеніе 5; буква и=50; буква т=300; а если приняшь что и ешь описка вмѣсто очень похожаго ђ, кошорое=1000, шо получилось бы число 1355 очень близкое къ 1356 — году дачи ярлыка, какъ выходить изъ другихъ соображеній; значило бы, что въ эшомъ ярлыкѣ уношреблено лѣпочисленіе христіанское — дѣло весьма возможное въ Монгольскомъ государствѣ; что переводчикъ ярлыка выразилъ годовое число Славянскими цифрами, а не полною прописью; что Новиковъ и издатели „Государств. грамошъ“ не поняли эшого, приняли число за названіе одного изъ 12-ши годовъ Монгольскаго цикла, и шакъ напечатали. „Сипа“ Суздальской лѣпописи можно принимашь въ шакомъ случаѣ за изуродованіе „Еншя“. Одно спранно и не клеишся

съ эпитимъ предложеніемъ — что число написано на оборотъ. Мы не знаемъ примѣровъ такого извращенія, и если можемъ объяснить его чѣмъ-нибудь въ настоящемъ случаѣ, такъ опять предположимъ же, что число 1355 выражено было и въ подлинникѣ ярлыка не прописью, а Арабскими буквами въ числительномъ значеніи, копорья пишущся справо на лѣво, и что переводчикъ послѣдовалъ примѣру подлинника. — Все это предположенія на предположеніяхъ и болѣе ничего. Оставляя разрѣшить настоящую загадку болѣе насъ проникательнымъ, мы видимъ себя принужденными довольствоваться покуда, чѣмъ довольствуясь въ такихъ случаяхъ мусульманскіе писатели, сознаниемъ, что *الله اعلم بغيبه* „пайна эшаго извѣстна Аллаху лучше всѣхъ“. — Не много болѣе „Енпя“ года знаемъ мы и объ „Арамъ“ мѣсяцѣ. Такого мѣсяца мы не находимъ ни въ календарѣ мусульманскомъ, ни въ календарѣ Сирійцевъ, ни у Евреевъ, ни у Персовъ, и только благодаря Ербло (*Bibl. orient. spatia Agam*) можемъ сказать вслѣдъ за нимъ, что мѣсяцъ шакаго имени есть у Хашайцевъ, познакомишься ближе съ временемъ копорыхъ не позволяютъ намъ опускание нужныхъ для сего источниковъ. „Во 2 Вепха“ значить во вѣпорой день послѣдней половины мѣсяца, или по нашему проспію 17 числа.

Опносительно ярлыка опъ Тайдулы Теогноспу, издатели „Собранія Госуд. грамошъ“ опредѣлили время дачи онаго около 1333 года, что несправедливо

по тому одному, что онъ данъ въ правленіе Джанибека, а Джанибекъ вспунилъ на пресполъ не ранѣе 1341 года. Гаммеръ полагаетъ его даннымъ въ 1342 году; мы высказали выше свое мнѣніе, но „заячій годъ“, когда онъ писанъ, не совпадаетъ ни съ 1333, ни съ 1342, а съ 1339 и попомъ съ 1351. Шмидтъ, а за нимъ и Гаммеръ выпускаютъ изъ этого запрудненія очень проспо: вмѣсто „заячьяго“ спавяшъ въ ярлыкѣ „лошадиного“ = 1342, говоря, что такъ должно бытъ по настоящему. (Gesch. der Gold. Horde. s. 306). Не будучи въ состояніи разубишь этого узла искуствѣ, мы подписываемъ покуда согласіе подъ опредѣленіемъ двухъ споль достойныхъ уваженія ориенталистовъ; но ни какъ ужъ не можемъ согласиться съ первымъ изъ нихъ, чтобы „Арамъ мѣсяцъ“, когда писанъ этотъ ярлыкъ, также какъ и Тайдулинъ Алексью, былъ Мусульманскій محرم Мухарремъ (Philologisch-Kritische Zugabe u. s. v. s. 26).

Тайдулинъ ярлыкъ Юнъ или Ивасу данъ: „Свиного лѣта, осьмага мѣсяца, въ пяпый вѣпха“, какъ въ Суздальской лѣтописи, или „Винного лѣта, осьмага мѣсяца въ 6 Вѣпха“, какъ у Новикова и въ „Собраніи Госуд. Грамошъ“. „Виноного“ еспъ лвная описка вмѣсто „свиного“. Опъ вспупленія на пресполъ Джанибека до кончины Тайдулы свиной годъ приходился полько разъ, именно въ 1347 году. Если показаніе года въ этомъ ярлыкѣ справедливо, то можемъ думать, что получашелемъ его скорѣ всѣхъ другихъ Юанновъ, былъ Юаннъ, пославленный Фе-

огносомъ въ 1346 году въ епископы Ростовскіе (Львописецъ Русской. Ч. II. стр. 111). Варіанты чиселъ 5 и 6 въ означеніи дня писанья ярлыка, свидѣтельствуя въ этомъ случаѣ небрежность переписчиковъ, служатъ въ тоже время подкрѣпленіемъ нашему объясненію анахронизмовъ, встрѣчаемыхъ въ мусульманскихъ дашахъ Ашюлякова и Бирдибекова ярлыковъ.

Въ Узбековомъ ярлыкѣ Пепру мишрополишту читаемъ, что данъ онъ: „заячьяго лѣша, осенняго перваго мѣсяца, въ 4 день Выпха“. Карамзинъ, Полевой, издатели „Собр. Госуд. грамотъ“, Гаммеръ, Шпраль и всѣ другіе, кому случилось упоминашь объ этомъ ярлыкѣ, согласны въ томъ, что онъ данъ въ 1313 году; между тѣмъ 1313 годъ былъ не заячій, а шелячій (*Укэръ*), заячьимъ же (*Таолай*) во все время мишрополиштованія Пепра приходился одинъ 1315 годъ—опять анахронизмъ необъяснимый. Объясняя ярлыкъ Бирдибека, мы сказали, что Монголы считаютъ мѣсяцы по порядку, называя ихъ престо первымъ, вторымъ и такъ далѣе до двѣнадцатаго включительно. Здѣсь должно прибавить къ этому, что иногда раздѣляютъ они ихъ по временамъ года, и говорятъ: первый весенній мѣсяць, второй весенній, третій весенній, первый лѣшній, второй лѣшній и т. д. (О Кипайскомъ календарѣ. О. Ковалевскаго. Казань. 1835. стр. 13). Это раздѣленіе мѣсяцовъ видимъ мы принятымъ и въ Узбековомъ ярлыкѣ. „Первый

осенній“ мѣсяць соопвѣспшвуешъ нашему сенпьябрю въ обыкновенныхъ не высокосныхъ годахъ.

Въ Менгу-Темировомъ ярлыкѣ опять находимъ итуже дапу, что въ Узбековомъ — „заячьяго лѣша, осенняго перваго мѣсяца, въ 4 день Вешха“. Невозможнаго шупъ, разумѣется, ничего нѣтъ: 19 число перваго осенняго мѣсяца заячьяго года приходилось прижды въ правленіе Узбека, и дважды въ правленіе Менгу-Темира. Спранно шолько, что оба ярлыка даны въ одинъ и шопъ же день, одного и шого же мѣсяца, одного и шого же циклическаго года. Въ Менгу-Темировомъ ярлыкѣ дапа эша не предспавляешъ ничего анахроническаго. Въ продолженіе власпшванія сего хана, съ 1266 по 1281 годъ, заячье лѣшо Монгольское совпадало съ двумя хрпстіанскими годами: 1267 и 1279. По какому бы поводу могъ ярлыкъ эшопъ получить суцеспшваніе въ 1279 году — не видимъ; въ 1267 могъ онъ бытъ даць по случаю Менгу-Темирова вспушленія на преспшль, что какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей. Между шѣмъ эша же дапа въ Узбековомъ ярлыкѣ вовсе не согласуешся со временемъ дачи его, извѣспшымъ изъ другихъ испочниковъ. Чшо если она не принадлежала первоначально эшому ярлыку, а попала въ него какимъ нибудь образомъ изъ Менгу-Темирова?!

Теперь о мѣспшностяхъ, въ копорыхъ даны ярлыки.

Въ каждомъ ярлыкѣ означено мѣспо его дачи. Всѣ они даны въ ордѣ, ш. е. въ мѣспопробываніи

хановъ , но это мѣстопребываніе мѣнялось , орда переходила изъ мѣста въ мѣсто , изъ урочища въ урочище. Эпъ-шо мѣста и урочища и означены въ ярлыкахъ.

Мѣсто дачи Менгу-Темирова ярлыка означено въ немъ такъ: „на Тельг“, какъ читаемъ у Новикова и въ „Собраніи государств. грамотъ“, или „на Тали“, какъ въ Суздальской лѣтописи. Чшо это такое „Тельг“ или „Тали“? Тала значить по Монгольски „равнина“, „сечь“; по этому „на шали“ не значить ли : на сечи, въ сечи, въ такомъ мѣстѣ, копорое не имѣло усвоеннаго ему названія? Это объясненіе подтверждается и Узбековымъ ярлыкомъ, въ копоромъ читаемъ „на полихъ писанъ и данъ“, ш. е. на полѣ, на сечи. Въ семъ последнемъ „шала“ подлинника переведено соотвѣтственнымъ Русскимъ словомъ, а въ Менгу-Темировомъ оспалось безъ перевода, бывши принято, можеть бытъ, за собственное имя.

Тайдулинъ ярлыкъ Теогноспу мипрополипу писанъ когда „въ Саргъ орда кочевала“. Такъ читаемъ у Новикова и въ „Собраніи госуд. грамотъ“. Въ Суздальской вмѣсто „въ Саргъ“ находимъ „въ Сарае“, и нѣтъ сомнѣнія, чшо последнее чпеніе предпочинительнѣе. Сарай — извѣстная столица хановъ, о копорой мы не имѣемъ нужды входить здѣсь въ подробности.

Ярлыкъ Тайдулы мипрополипу Алексѣю писанъ, когда „орда кочевала на Гулишпанъ“. Имя Гулишпана گلستانъ часно вспрѣчается на Золото-

ордынскихъ монетахъ. Въ первый разъ находимъ его на монетѣ Тайдулина мужа Джанибека, биспои въ 752 году гиджры (1352 по Р. Х.). Въ послѣдній—на монетѣ Азиза, биспой въ 767 (1365-6) году. (Монеты Хановъ улуса Джучіева. Спр. 43). Грамота Джанибека Венеціанамъ въ 1347 году, писана также въ Гюлиспанѣ. Мѣсто эпо, по мнѣнію Френа, находилось вблизи Сарая (С. Пешербургскія Вѣдомости 1830 г. № 11. Спр. 72).

Гдѣ находились урочище „Желтая проры“, въ копоромъ кочевала орда, когда писался ярлыкъ Тайдулы Юнѣ или Ивану — не знаю; не знаю также и того, гдѣ должно искать „Каонга“, мѣста кочевки орды во время полученія Бирдибекова ярлыка мширополишомъ Алексѣемъ. Трудъ опредѣлить положеніе этихъ урочищъ представляемъ другимъ, имѣвшимъ или имѣющимъ возможность познакомиться съ топографіею Кипчакской степи болѣе нашего.

Въ Апполяковомъ читаемъ, что „Орда кочевала на великомъ лузѣ на рѣчномъ“. Эпо сколько же неопредѣленно, какъ и „на волнѣхъ“ Узбекова. Кипо можетъ сказать гдѣ эпошь „великій лугъ“ и на какой рѣкѣ — на Волгѣ, на Дону? Развѣ не носило ли какое урочище собственно ему усвоеннаго названія „великаго луга“ какъ городъ „Великіе луки“ въ Псковской губерніи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Языкъ ярлыковъ.

Какъ дошли до насъ ярлыки, въ подлинникѣ или въ переводѣ, ш. е. на какомъ языкѣ писаны были они первоначально въ Ордѣ, на Русскомъ, на копоромъ имѣемъ ихъ шеперь, или на какомъ другомъ? Утверждаемъ, что въ переводѣ, что первоначально писаны они не на Русскомъ. Спранно было бы предполагать, чтобы государшвенныя бумаги писались въ Ордѣ на Русскомъ, хопябы бумаги эпѣ и назначались для Россіи. Мы знаемъ, что когда Монгольскіе государи сносились съ иноземцами, то письма и грамопы свои къ нимъ писали обыкновенно на Монгольскомъ. Письма Аргуна и Олджайшу къ королю Французскому Филиппу прекрасному, дошедшія до насъ въ подлинникахъ, писаны на Монгольскомъ. Грамоша, копорую Куюкъ послать къ папѣ черезъ ПIANO Карпини—на Монгольскомъ же (34). Другіе памяшники сношеній императоровъ

(34) Собр. пупеш. къ Ташарамъ. Спр. 57. Tartarice значить у ПIANO-Карпини, „по-Монгольски“, а не „по Ташарски“ Монголовъ онъ нигдѣ не называетъ Монголами, а всегда Ташарами.

и хановъ Монгольскихъ съ папами и государями Европы, дошедшіе до насъ на Лавинскомъ языкѣ, обнаруживаютъ, что подлинники ихъ писаны были на этомъ же языкѣ (Абель-Ремюза *Mémoires sur les relations etc. passim*). Если въ Персіи, подъ владычествомъ Гулагидовъ, многія бумаги писались на Персидскомъ и Арабскомъ, такъ это попому, что Гулагиды жили посреди Персовъ и Арабовъ, что министры и чиновники ихъ были большею частію изъ туземцевъ, что Персидскій, какъ общенародный, и Арабскій, какъ ученый, господствовали даже и при дворѣ ихъ. По тѣмъ же причинамъ употреблялся при дворѣ и въ канцеляріяхъ Кипчакскаго царства Татарскій. Употреблялъ же Русскій въ сихъ послѣднихъ не было ни какой слани. Но не на этихъ соображеніяхъ основываемъ мы убѣжденіе наше въ переводности ярлыковъ; нѣтъ, доказательствъ этому находимъ мы преимущественно въ слогѣ и оборотахъ ярлыковъ, обнаруживающихъ въ нихъ не Русское, а Монгольское или Турецкое происхожденіе. Еслибы ярлыки писаны были въ Ордѣ прямо на Русскомъ, словорасположеніе въ нихъ никогда бы не могло проникнуться Монголизмомъ или Татаризмомъ до такой степени, въ какой видимъ это въ нашихъ ярлыкахъ. Это Монголо-Тюркское происхожденіе періодовъ и расположеніе словъ, столь противоположное духу Семитическихъ и Индо-Германскихъ языковъ, было, между прочимъ, причиною того, что ни Новиковъ, ни издатели «Собранія государственныхъ грамотъ», не

знакомыя, какъ видно, ни съ Монгольскимъ, ни съ Тапарскими языками, не могли понять хорошенъко, гдѣ начало, гдѣ конецъ періода, и вслѣдствіе этого, своего распановкою знаковъ прерыванія, перепутывали нерѣдко періоды, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ забыли даже смыслъ. Синтаксисъ Монгольскаго и Тюркскихъ языковъ преуспѣлъ, чтобы слова въ періодѣ и въ предложеніи располагались въ порядкѣ почти прямо противоположномъ употребительному въ нашемъ и родственныхъ нашимъ языкахъ. Вспавочныя и объяснительныя часпи предложенія, которыя спавались въ нашемъ послѣ главныхъ, въ ихъ напротивъ помѣщаются спереди. Кромѣ того, по неимѣнію, ни въ Монгольскомъ, ни въ Тюркскихъ соединительнаго союза *что*, фразы, въ которыхъ мы употребляемъ этотъ союзъ, принимаютъ въ нихъ совершенно особенную, имъ только свойственную форму. *Что* замѣняется обыкновенно дѣепричасіемъ настоящимъ или прошедшимъ глагола „говорить“, *кемекю* по Монгольски, *демекъ* по Турецки и по Тапарски, и все, что слѣдуетъ у насъ за этимъ „что“, въ ихъ языкахъ, спавались впереди дѣепричасія „говоря“ или „сказавъ.“ Это самыя характерныя черты Монгольскаго и Тюркскаго синтаксиса, и мы находимъ рѣзкій оппечатокъ ихъ въ языкъ разбираемыхъ нами ярыковъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать, какъ сказали бы мы: „Царь пожаловалъ мипрополипа Теогноспа, далъ ему ярыкъ съ алою шамгою, на томъ основаніи,

что поповскій чинъ и штъ, копорые зовущся богомольцами, съ давнихъ добрыхъ временъ и досель, не должны плашпшь ни какихъ пощлинь, ибо они молящся за насъ самому Богу и воздающъ молишвы за племя наше въ родъ и родъ“, Монголы и Ташаре дали бы этому періоду совершенно иную форму, именно шакую, въ какой находимъ его въ ярлыкъ Тайдулы Θεогноспу: „Ошъ давнихъ добрыхъ временъ и досель, что зовущся богомольцы и весь поповскій чинъ, птъмъ не надобъ ни копорые пощлины: занеже самому Богу молящся за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молишву воздающъ,— шакъ молвя (эйенъ кемень), Θεогноспа мишпрополиша Царь пожаловалъ, со алою шамгою ярлыкъ далъ.“ Такъ, вмѣсто: „И мы повелѣли, чтобы было по прежнему“, они сказали бы, какъ сказано въ ярлыкъ Узбека мишпрополишу Пепру: „Какъ шо было прежь насъ, шакъ молвя, и наше слово ушавило.“ Дъепричасшя, упошребишельнѣйшая форма глаголовъ въ Монгольскихъ и Тюркскихъ языкахъ, встрѣчающся въ большомъ числѣ и въ ярлыкахъ, шогда какъ въ современныхъ акпахъ, писанныхъ въ Россіи, попадающся они очень рѣдко. Выраженія: „ходпшь правымъ пупемъ“; „управляпшь“ или „моляпшь правымъ сердцемъ и правою мыслію“; „а ошъ насъ будешъ не крошко“; наше око шпхо не смошришъ“; „ѣспъ одинъ хлѣбъ“ вмѣсто: „жипшь вмѣстѣ“, и другія, встрѣчающіяся въ ярлыкахъ — вовсе не Русскія, а чисшыя Ташаризмы, и Ташаризмы не встрѣчающіеся припомъ въ

современныхъ акшахъ и льпописяхъ. Мы не приводимъ Татарской формы ярлыковъ въ доказательство утверждаемаго нами; она, по мнѣнію нашему, не можетъ служить лишь доказательствомъ: если бы ярлыки писались въ Ордѣ и прямо по Русски, это не мѣшало бы излагать содержаніе ихъ въ формахъ, принятыхъ для подобныхъ жалованныхъ грамотъ въ Монгольскомъ или Татарскомъ языкѣ, слѣдовавъ въ расположеніи частей ярлыка порядку, соблюдавшемуся и утвержденному временемъ и употребленіемъ въ Монгольскихъ канцеляріяхъ; но языкъ, языкъ ярлыковъ свидѣтельствуетъ, что они переводы. Съ какаго же — съ Монгольскаго или съ Татарскаго? Этого нельзя рѣшить филологически: духъ, конструкция, оброты обоихъ этихъ языковъ чрезвычайно сходны, даже шеперь, черезъ 500 лѣтъ послѣ того, какъ писаны ярлыки. Въ Ордынскихъ канцеляріяхъ, нѣтъ сомнѣнія, употреблялись оба, хотя куда не извѣстно еще ни одного акта изъ Золотой Орды, который былъ бы писанъ на Монгольскомъ; потому ярлыки наши могли быть писаны и на томъ и на другомъ. Но такъ какъ Монгольскій языкъ постепенно выходилъ изъ употребленія въ Ордѣ, а наконецъ и совсѣмъ былъ забытъ опатарившимися Монголами, то изъ этого можно заключать съ большою вѣроятностію, что древнѣйшіе ярлыки писаны были на Монгольскомъ, а позднѣйшіе на Татарскомъ.

Рѣшивъ , что мы имѣемъ ярлыки въ переводахъ, надо узнать еще: какіе эпо переводы, современные подлинникамъ , или позднѣйшіе? Судя по словамъ автора приписки къ ярлыкамъ , находящей въ Новиковскомъ изданіи , автора , жившаго уже при Царяхъ: „Мнози же сущь отъ первыхъ и давныхъ иные велицы ярлыцы сущь, но иныхъ не возмогахомъ превести, заше неудобъ познаваемою рѣчью писаны быша“, надлежитъ думать, что позднѣйшіе. Поводомъ къ переводу , какъ замѣчаетъ Полевой , могло послужить какое-нибудь ограниченіе правъ духовенства, какъ , напримеръ , на соборахъ , бывшихъ въ 1500 или въ 1580 году. Но должно сказать и то, что мнѣніе о несовременности перевода съ подлинниками основывается единственно на эпой припискѣ , о которой не знаемъ, ни откуда она взята, ни кто такой ея авторъ. Не будь эпой приписки, мы бы спали доказывать, что переводы, въ которыхъ имѣемъ ярлыки, современные подлинникамъ. Въ ханскомъ диванѣ необходимо должны были находиться люди, знавшіе Русскую грамоту, и служившіе какъ для изустныхъ переговоровъ съ Русскими князьями , боярами и духовными, когда эпо не знали по Татарски, и не могли объясняться съ ханами и ихъ чиновниками прямо, безъ посредства переводчиковъ , такъ и для переводовъ разныхъ бумагъ съ Татарскаго на Русскій или съ Русскаго на Татарскій. Князья наши также, нѣтъ сомнѣнія , держали при себѣ въ Россіи людей знавшихъ Татарскую грамоту : частныя сношенія съ

Ташарами дѣлали это необходимымъ. Были пакіе переводчики, вѣроятно, и при миспрополисахъ. Въ то время не трудно было имѣть ихъ: въ Ордь всегда было много нашихъ соотечественниковъ, копорые не наѣдомъ прѣвзжали шуда, а жили тамъ постоянно, слѣдовательно необходимо должны были знать языкъ, копорымъ говорили въ ней. Мы имѣемъ на это очень раннія свидѣтельства. Когда, въ 1246 году, Плато Карпини привезъ къ Батью папскую грамоту, писанную на Лашинскомъ, ему дали полмачей для перевода ея на Ташарскій (т. е. Монгольскій); но такъ какъ между ними не нашлось людей, копорые понимали бы вмѣстѣ и по Лашини и по Ташарски, то ее перевели сначала на Русскій, а потомъ на Арабскій и Ташарскій (35). Спало бытъ уже при Батю были въ Ордь переводчики, знавшіе по Русски. Мало того, они были въ это время даже въ Великой Ордь, въ глубинѣ Монголіи. Когда императору Куюку надо было писать отвѣтную грамоту на письмо папы, привезенное ему Плато Карпини, у сего послѣдняго спрашивали: есть ли у папы люди, копорые разумѣли бы Русское, Сарацинское или Ташарское письмо (Собр. пущеш. къ Ташарамъ. Спр. 55), — вопросъ, показывающій, что въ Великой Ордь была тогда возможность написать грамоту на Русскомъ языкѣ.

(35) In litera Ruthenica, Saracenicâ et in Tartarica diligenter cum ipsis transtulimus. Собр. Пущ. къ Ташарамъ. спр. 20. Далѣе (спр. 214) Плато-Карпини говоритъ, что Русскимъ переводчикомъ его былъ Суздадецъ (Russien de Susdal).

Далѣ Кардини именно говориць , что какъ при сношеніяхъ съ самимъ Куюкомъ, такъ и для перевода грамоты сего императора къ папѣ, полномочіемъ имъ служилъ дворянинъ одного Русскаго герцога, умершаго въ Ордѣ , по имени Темерь (Ibid. 214). Современные переводы ярлыковъ необходимо должны были существовать; если не въ Ордѣ переводили ихъ на Русскій, такъ переводили пошчасъ же по доставленіи въ Россію. Безъ перевода не могли они оспаваться: ихъ для всеобщаго свѣденія должно было сообщать на прочтеніе въ церкви и монастыри, какъ видно эпо изъ словъ Менгу-Темирова ярлыка: „И сію грамоту видяще и слышаще попове и черницы, ни дани, ни иного чего не даютъ“. Въ Узбековомъ говоритса поже самое; а не лзя же думать, что бы все духовенство въ Россіи знало по Монгольски или по Татарски. Въ современныхъ же переводахъ дошли можеть быть ярлыки и до нашего времени , ибо слова вышеупомянушой переписки, на которыхъ основывается пропивное мнѣіе , можно поковать различно. Предложенію : „Мнози же сунъ иные велицы ярлыци“ и пр. предшесвуесть въ ней другое: „Елико же обрѣшохомъ во свящѣйшей Мисрополиі старыхъ Царей Ярлыки, сихъ и написахомъ“. *Написать* значить иногда въ старинномъ языкѣ нашемъ *созинить*, чаще *переписать*; но я не знаю , чтобы оно значило когда нибудь — *переводить*; пошму, предложеніе эпо, въ связи съ послѣдующимъ за нимъ, можно понимать и такъ: »Сколько нашель

я во св. мнпрополіи ярлыковъ на Русскомъ языкѣ, сполько и переписалъ, сполько и помѣспилъ (въ эпу лѣпопись, въ эпортъ сборникъ); еспь шамъ еще много другихъ, на непоняпномъ для меня языкѣ; шѣхъ я не могъ перевести“. Да и самое „превести“ можно понимащъ въ смыслѣ *приводить*, *citer*, а не *переводить*, *traduire*. „Неудобъ познаваемою рѣчью“ шакже можетъ значить „спариннымъ языкомъ“ или „неразборчивымъ почеркомъ“. При шакомъ толкованіи, помянушыя предложенія имѣли бы слѣдующій смыслъ: „Сколько я нашелъ ярлыковъ, писанныхъ поняпно, сполько и помѣспилъ ихъ здѣсь. Еспь еще много другихъ, да шѣхъ я не помѣспилъ, пошому что не могъ разобрать, не могъ прочесть“. Впрочемъ, все эшо шонкоспи. Покуда какое нибудь обшояшельство не объяснитъ дѣла болѣе, мы готовы принящъ, что древніе переводы ярлыковъ, переводы современные, ушрапились, ходя по монастырямъ и церквамъ, а въ архивахъ мнпрополіи сохранились шолько подлинники, съ копорыхъ, въ XVI сполѣшій, и сдѣланы шѣ переводы, копорые мы шеперь имѣемъ. Историческое доспоинство ярлыковъ зависитъ не ошъ шого, когда они переведены съ подлинниковъ, въ XIII, XIV, XV или XVI сполѣшіяхъ, а ошъ шого, вѣренъ переводъ или нѣшъ. Вошъ вопрощъ, копорый важно рѣшищъ.

Подлинниковъ у насъ нѣшъ, — какъ же рѣшищъ его? Такъ, изъ соображенія обшояшельствъ. Какая нужда была переводитъ не вѣрно, измѣнящъ

смыслъ? Ни какой: въ ярлыкахъ все было въ пользу духовенства, ничего пропивъ его выгоды, или пропивъ нашей религіи. Мы видѣли, какъ самый слогъ ярлыковъ доказываесть, что они переведены буквально. Вся невѣрность, какая можетъ быть въ нихъ, состоитъ развѣ въ томъ, что переводчикъ или переводчики могли придасть Монгольскимъ или Тапарскимъ выраженіямъ нѣсколько христіанскій цвѣтъ, чтобы сдѣлать ихъ понятнѣе для единоверцевъ, ввѣсти незначительныя вставки, позволивъ себѣ небольшія амплификаціи. Такъ, на примѣръ, можно думать, что тогда, какъ въ ярлыкѣ Узбековомъ, было просто:

„Вѣчнаго Бога (или неба) силою“ ,—

переводчикъ амплифировалъ эту фразу такимъ образомъ:

„Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величествомъ“.

Что тогда, какъ Менгу-Темировъ ярлыкъ начинался просто:

„Вышняго Бога силою“,—

переводчикъ вставилъ вслѣдъ за тѣмъ:

„И вышня Троицы волею“.

Что когда въ Бирдибековомъ сказано было только:

„Да будешь тому худо“,—

переводчикъ замѣнилъ это выраженіе болѣе христіанскимъ:

„Во грѣсѣхъ да будешь“.

Такия амплификація, вставка и домышенія, если и дѣйствительно имѣли мѣсто, — чего еще не лзя доказать несомнѣнно, — не важны въ отношеніи къ сущности дѣла; потому я рѣшительно держусь того мнѣнія, что имѣющіеся въ рукахъ нашихъ Русскіе ярмыци — переведены съ подлинниковъ вѣрно.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

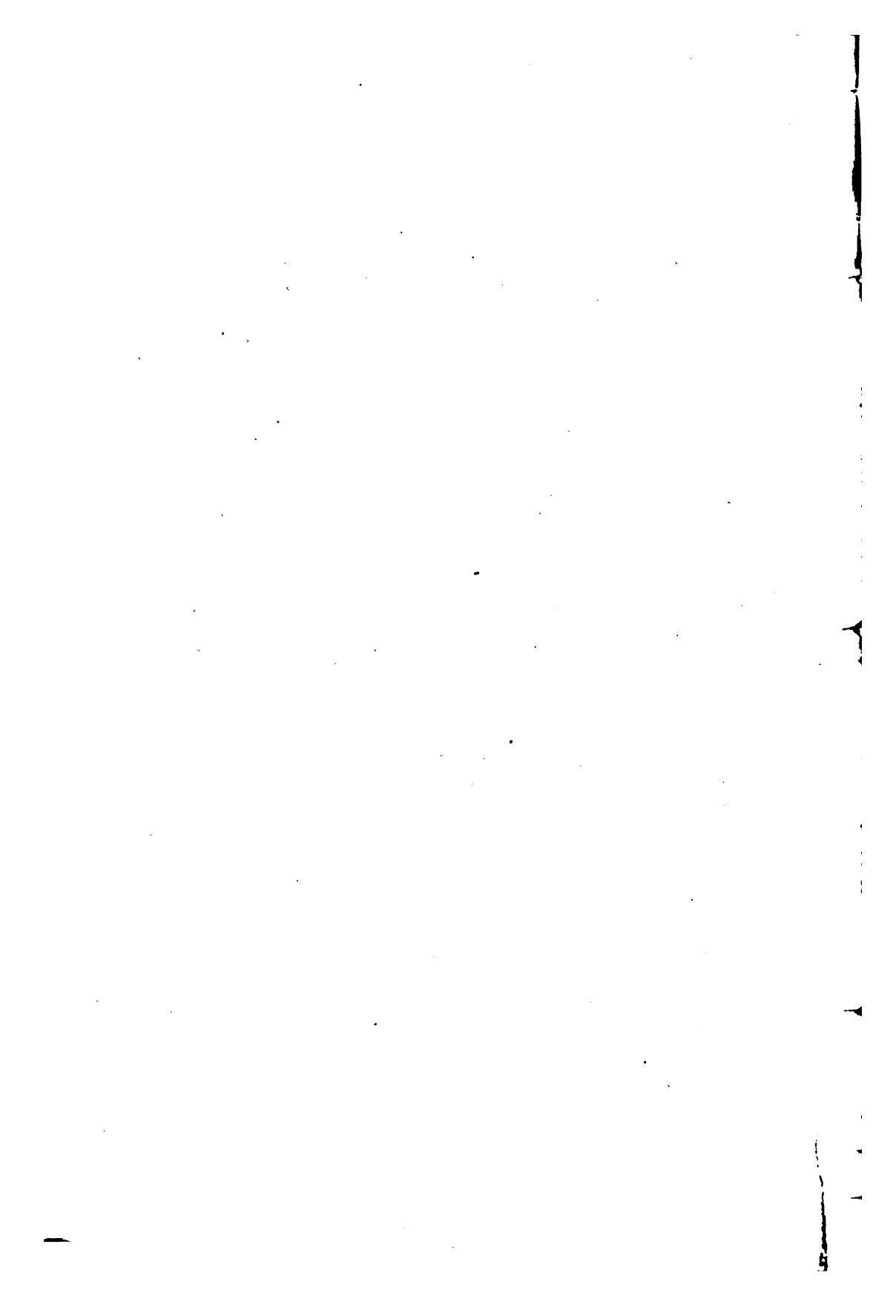
Содержаніе ярлыковъ, очень выгодное для нашего духовенства, прощиворѣиємъ своимъ съ сущесшвующимъ мнѣиємъ о ревностномъ исламизмѣ Золошо-ордынскихъ хановъ, и нѣкопорыми показаніями нашихъ лѣпописей, могло подавати поводъ подозрѣвати эши акшы въ подложности, и предполагати подлогъ дѣломъ духовенства. Мы доказали невозможность подлога съ эшой спороны, обнаружили ложность помянушаго мнѣнія, предспавили въ насшоящемъ свѣшѣ сказанія лѣпописей. Въ числѣ лицъ, давшихъ и получившихъ ярлыки, было два, сущесшвование копорыхъ могло казати ся сомнишельнымъ. Мы объяснили кто шакое было одно изъ нихъ, къмъ могло быти другое. Нѣкопорые ярлыки возбуждали подозрѣніе ложностию своихъ дашъ. Мы старались объяснить какимъ образомъ могли произойти эши анахронизмы. Сущесшвовало мнѣніе, уменьшавшее цѣнность ярлыковъ какъ испочниковъ, — что содержаніе ихъ передѣлано или измѣнено переводчиками. Мы показали, что нѣшѣ досшашочныхъ причинъ предполагати передѣлку или невѣрность перевода. Вообще мы старались разрѣшити всѣ вопросы, уничтоживши

всѣ недоразумѣнія, кошорыя могли возникнуть при чтеніи ярлыковъ, и навеспи на достоверность ихъ хотя малѣйшую пѣнь сомнѣнія. Надѣмся, что послѣ всего сказаннаго и доказаннаго, сомнѣнія эти будутъ уже неумѣстны, и авторитетъ Карамзинскихъ подозрѣній не спанетъ мѣшать никому употреблять ярлыки въ дѣло, какъ источники.

Въ заключеніе нашихъ изслѣдованій предлагаемъ объясненіе еще одного вопроса: почему дошло до насъ нѣсколько ярлыковъ, данныхъ ханами митрополюсамъ, а не дошло ни одного изъ данныхъ ими князьямъ нашимъ, великимъ и удѣльнымъ, тогда, какъ послѣднихъ дано было по всей вѣроятности болѣе, чѣмъ первыхъ? Что касается до князей удѣльныхъ, то, судя по тому, что читаемъ въ договорныхъ грамошахъ князя Суздальскаго Ивана Васильевича съ В. К. Василиемъ Васильевичемъ, (см. выше, стр. 14), надо думать, что удѣльные князья передали всѣ ярлыки свои великимъ, какъ знакъ покорности имъ, и опрѣченія отъ самовласти; а великимъ князьямъ къ чему было беречь ихъ?—Очень вѣроятно, даже, что они спарались уничтожать ихъ поскорѣе, какъ свидѣтельсва, могущія напоминать попомкамъ удѣльныхъ князей такія вещи, кошорыя имъ надлежало забыть совершенно. Великокняжескіе же ярлыки могли утратиться сами собою, какъ акты опжившіе вѣкъ и поперявшіе цѣнность, какъ ни къ чему болѣе ненужные памятники пятиснаго рабства. Мало ли чего, гораздо болѣе драгоценнаго, погибло во время пожаровъ и другихъ бѣд-

спивій. Духовенство напрошивъ того, видѣло свою пользу въ сбереженіи ярлыковъ: они сохраняли для него часть своей цѣны и по паденіи Ташарскаго владычествва, ибо всегда могли служить упрекомъ пѣмъ царямъ, которые бы вздумали ограничивать его права, уменьшать привилегіи; что это не только могло быть, но и дѣйствительно было такъ, свидѣтельствующъ слова Симонова посланія къ Іоанну III, по случаю собора въ 1500 году (см. выше стр. 30). Да и для лѣтописцевъ, людей духовнаго званія, ярлыки митрополичьи были несравненно импереснѣе княжескихъ, попому и въ лѣтописи могли попасть скорѣе, чѣмъ сіи послѣдніе.

Ярлыки, оныи жалованнїа грамоны, иже давали первые Цари Ординскїе, и сущїи по нынѣ вси, святѣйшимъ преосвященнымъ Митрополитомъ Кїевскимъ и всея Руссїи, легость церковнымъ домоу и людемъ православнымъ.

Въ лѣто 6721 (1213) поиде во Орду Пётръ Митрополитъ Кїевскїй и всея Руссїи, вкупѣ съ великимъ Княземъ Михайломъ Ярославичемъ Тверскимъ, обиды ради церковныхъ оупъ лукавыхъ челоуѣкъ судовъ, и управленїй, и пошлїнъ, и уроковъ, и даней, имѣнїй, и спяжанїй людеи всего причїпа церковнаго, и о всѣхъ десятинахъ Митрополичьїихъ. Да и шого ради, чшобъ напередъ быши у Царя Нѣмецкихъ послонъ, и Бискупа Мангея Папы Римскаго; да и шого ради понеже шогда во Орду Царь Башый умеръ, а новыи Царь Язбїкъ съѣлъ на царштво, и вся обновїишася оупъ многихъ царшвъ и оупъ многихъ великихъ княженїй, и оупъ многихъ спранъ вси приходїли въ Орду къ Царемъ, и ярлыки имали, каждо на свое имя. И вси великїе Князї Русскїе и Митрополишы, и Епископы Русскїе, ярлыки имали, каждой на свое имя. Но милоснїю Божию, Пётръ Митрополитъ, во Орду у Царя былъ въ велицей чеспїи, и опшущенъ былъ оупъ Царя въ борзѣ со мношю чеспїю и управою, и съ ярлыки и съ Дефпери; и прїиде въ свою Митрополию на Русь; и вси православные Хрїстїане срїшшаша его со мношю радоснїю.

ПЕРВЫЙ ЯРЛЫКЪ.

*А се Ярлыкъ Язбяка Царя, Петру Митрополиту,
всехъ Руссїи людотворцу.*

Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величешивомъ и милоспїю его многою. Язбяково (1) слово. Всѣмъ нашимъ Княземъ великимъ и среднимъ и нижнимъ, и сильнымъ Воеводамъ и Вельможамъ, и Княземъ нашимъ удѣльнымъ, и Дорогамъ славнымъ, и Польскимъ (2) Княземъ высокимъ и нижнимъ, и Книжникомъ, Успаводержальникомъ (3), и учшельнымъ людскимъ (4) Повѣспникомъ, и Сбирапелемъ и Баскакомъ, и Посломъ нашимъ и Гонцомъ, и Данщикомъ, и Писцомъ, и мимотѣдящимъ Посломъ, и Ловцомъ нашимъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и всѣмъ людямъ, высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царспва, по всѣмъ нашимъ спранамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власпъ держипъ и слово наше владѣпъ. Да никпо же обидипъ на Руси соборную церковь Митрополипа Пешра, и его людей и церковныхъ его; да никпо

ВАРИАНТЫ.

(Буквы Г. Г. означаютъ „Собраніе Государственныхъ грамотъ; буквы С. Л. — „Суздальскую лѣтопись“; буквы Р. Л. — „Ростовскую“. (1) Азбяково. Г. Г. и Р. Л. (2) полчнымъ. Р. Л. (3) Книжникомъ и Успаводержальникомъ. Г. Г. и Р. Л. (4) Учшельнымъ и людскимъ.

же взимаешъ (5) ни (6) спяжаній, ни имѣній (7), ни людей (8). А знаешъ Пепръ Мишпрополишъ въ правду, и право судишъ, и управляешъ люди своя въ правду, въ чемъ ни будь: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ шапъбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаешъ самъ (9) Пепръ Мишпрополишъ единъ, или кому прикажешъ. Да вси покорюяся и повинуюся Мишпрополишу, вся его церковныя причшы, по (10) первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамопамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамошъ (11) и Дефшеремъ. Да не вступаютъ въ церковное и (12) Мишпрополиче никшо же, занеже по Божіе все сушь (13); а кпо вступишя а нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ (14), тошъ естъ Богу новиненъ, и гнѣвъ на себя опъ него прииметъ, а опъ насъ казнъ ему будетъ смершная. А Мишпрополишъ правымъ пушемъ ходишъ, да (15) правымъ пушемъ пребываетъ и спѣшишя (16), да правымъ сердцемъ и правою мыслію вся свол церковная управляешъ (17) и судишъ и вѣдаешъ, или кому повелишъ шаковая дѣяши (18) и управляши. А намъ въ шо пе вступашися ни во что, ни (19) дѣшямъ нашимъ, ни встѣмъ нашимъ Княземъ

Р. Л. (5) Взимають. Р. Л. (6) ни deest. Р. Л. (7) имѣніемъ. Р. Л. (8) людемъ. Р. Л. (9) самъ deest. Р. Л. (10) во deest. ГГ. (11) Грамопамъ. ГГ. и Р. Л. (12) и deest. Р. Л. (13) естъ все. Р. Л. (14) преслушишъ. Р. Л. (15) правымъ путемъ ходишъ да deest. Р. Л. (16) спѣшишя. Г. Г. и Р. Л. (17) устроаетъ. Р. Л. (18) вѣдаши. Р. Л. (19) и. Р. Л.

нашего царства и всѣхъ нашихъ спранъ , и всѣхъ нашихъ улусовъ ; да не вступаются никто же , ни чемъ , въ церковныя и въ Миспрополичи , ни въ волоспи ихъ (20), и (21) въ села ихъ , ни во всякія ловли ихъ , ни въ борпи ихъ , ни въ земли ихъ , ни въ улусы (22) ихъ , ни въ лѣсы ихъ , ни во ограды (23) , ни въ волоспныя мѣспа ихъ , ни винограды ихъ , ни въ мѣльницы ихъ , ни въ зимовища ихъ , ни въ спада ихъ конныя , ни во всякія скопскія спада (24), но (25) вся спяжація и имѣнія ихъ церковныя , и люди ихъ (26), и вся причпы ихъ , и вся законы ихъ уложенные спарыс опъ начала ихъ—шо все вѣдаепъ Миспрополищъ , или кому прикажепъ (27); да не будепъ ничшо же перечинено , или порушено , или кѣмъ избижено; да пребываетъ Миспрополищъ въ шихомъ и крошкомъ жиппн безо всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молипъ Бога за насъ , и за наши жены (28), и за наши дѣши , и за наши племя . И (29) мы бо шакоже управляемъ и жалуемъ , якоже и прежніе Цари Ярлыки имъ давали и жаловали ихъ; а мы , по помужъ пупи , шѣмижъ Ярлыки жалуемъ ихъ , да Богъ насъ пожалуепъ , заступипъ (30); а мы Божія брежемъ , и даннаго Богу не взимаемъ ; а кпо зри-

(20) ихъ deest. Р. Л. (21) ни. Г. Г. и Р. Л. (22) луга. Р. Л. (23) ограды ихъ. Г. Г. грады Р. Л. (24) спада ихъ. Р. Л. (25) ни въ. Р. Л. (26) ихъ deest. Р. Л. (27) да прикажепъ. Р. Л. (28) и за наши жены deest. Р. Л. (29) и deest. Р. Л. (30) заступипъ deest. Р. Л.

маешъ Божія, и шопъ будешъ Богу (31) повиненъ; а гнѣвъ Божій на него же будешъ, а опъ насъ будешъ казненъ смертною казною; да шо видя, и ишыя въ боязни будушъ. А поѣдушъ наши Баскаки, и Таможники, Данщики, Поборщики, Писцы, — по симъ нашимъ грамошамъ, какъ наше слово молвило и успавило (32), да всѣ будушъ цѣлы соборные (33) церкви Мишпрополичи, ни къмъ, ни опъ кого не изобиженъ вся его люди и вся его спяжанія, какъ ярлыкъ имѣешъ (34): Архимандришы, и Игумены, и Попы, и вся причшы церковныя, ни чѣмъ ни кшо да не будешъ изобиженъ. Данъ ли на насъ емлюшъ, или иное чшо ни буди: шамга ли, поплужское ли, ямъ ли, мышъ ли, мосповщина ли, война ли (35), ловишва ли коя ни буди наша; или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рапъ собираши, гдѣ восхотимъ воевати, а опъ соборныя церкви и опъ (36) Пешра Мишпрополиша ни кшо же да (37) не взимаешъ, и опъ ихъ (38) людей и опъ всего его причша: пѣ бо за насъ Бога моляшъ, и насъ блюдушъ, и наше воинство укрѣпляютъ; кшо бо шого и прежъ насъ не вѣдаешъ, чшо Бога безсмертнаго силою и волею живушъ всѣ и воююшъ? шо всѣ вѣдаюшъ. И мы, Богу моляся, по первымъ (39) же (40) царей грамошамъ, грамошы

(31) Богу deest. Р. Л. (32) и успавило deest. Р. Л. (33) всѣ соборныя. Р. Л. (34) имѣешъ и Г. Г. и Р. Л. (35) война ли deest. Р. Л. (36) и опъ deest. Р. Л. (37) да deest. Р. Л. (38) всѣхъ. Р. Л. (39) первыхъ. Г. Г. и Р. Л. (40) же deest. Р. Л.

имъ давали жалованныя (41), а не изыначивали (42) ни въ чемъ. Какъ шо было прежь насъ, такъ молвя; и наше слово успавило. По первому пуши копорая дань наша будешъ, или запросы наши накинемъ, или поплужное, или Послы наши будущъ, или кормы наши и (43) коней нашихъ, или подводы, или кормъ Пословъ нашихъ, или нашихъ Царицъ, или нашихъ дъшей, и кшо ни еспъ, и кшо ни будь, да не взимаюшъ, да не просяшъ ничшо же; а чшо возмупъ, и они опдадупъ назадъ прешницею, аще (44) будешъ взяли за нужду великую; а опъ насъ имъ будешъ не кропко, а наше око пихо на нихъ не смопришъ. А чшо будущъ церковныя люди, ремесленицы кои, или Писцы, или каменные здапели, или древянные (45), или иные масперы каковы ни буди, или Ловцы какова лова ни буди, или Сокольницы, а въ шо наши никшо не (46) вспупаюшся и на наше дъло да (47) не емлюшъ ихъ; и Пардусницы наши, и Ловцы наши, и Сокольницы наши, и Побежницы наши да не вспупаюшся въ нихъ, и да не взимаюшъ у нихъ (48) ихъ (49) дъльныхъ орудій (50), да не опнимаюшъ ничего же. А чшо законъ ихъ, и въ законъ ихъ церкви, и монаспыри, и часовни ихъ, ничемъ (51) да не вредяшъ ихъ, ни

(41) жалованные. Г. Г. (42) изыначиваемъ. Р. Л. (43) или Р. Л. (44) и аще. Р. Л. (45) древодъльные. Р. Л. (46) да не. Р. Л. (47) да deest. Р. Л. (48) *имъсто*: у нихъ — ихъ. Р. Л. (49) ни у нихъ. Р. Л. (50) дъльныхъ ихъ орудій. Р. Л. (51) ничемъ deest. Р. Л.

хулящъ (52); а кто учнеть вѣру хулиши или осу-
жаши (53), и пошъ человекъ не извинися ни
чимъ же и умретъ злою смертію. А что Попы и
Дьяконы ихъ, единъ хлѣбъ ядятъ (54), и во еди-
номъ дому живутъ (55), у кого братъ или сынъ,
и шѣмъ, по помужъ цуши, наше жалованье (56);
ожъ (57) кто будеть опъ нихъ не выпунилъ, а
Митрополипу не служишь, а живешь пошъ себѣ
именемъ поповскимъ, да не опшимаешся (58), но
даешъ дань. А Попы, и Дьяконы, и причпы церков-
ные пожалованы опъ насъ по перьвой нашей гра-
мошѣ, и спояшъ молящеса за насъ Богу правымъ
сердцемъ и правою мыслию; а кто учнеть не пра-
вымъ сердцемъ о насъ молишися Богу, шо (59)
грѣхъ на немъ будеть. А кто будеть Пошъ, или
Діаконъ, или Причешникъ церковный (60), или Лю-
динъ (61), кто ни буде, откуда ни еши, Митро-
полипу похощашъ служиши и о насъ Бога моли-
ши, что будеть о нихъ у Митрополипа въ мысли,
шо вѣдаешъ Митрополишъ. Такъ слово наше учи-
нило, и дали есмя Пешру Митрополипу грамошу
сію крѣпосши ему для, да сію грамошу видяще и
слышаще вси людіе, и всѣ церкви, и всѣ монашпы-
ри, и всѣ причпы церковные, да не преслушающъ
его ни въ чѣмъ, но послушни ему будущъ, по ихъ

(52) хулящъ ихъ. Р. Л. (53) вѣру осужати ихъ и хули-
ши Р. Л. (54) ядуще. Р. Л. (55) живуще. Р. Л. (56)
пожалованіе. Р. Л. (57) еже. Р. Л. (58) опшимаешца. Г
Г. опшимаешся. Р. Л. (59) пошъ. Г. Г. (60) или церков-
ные. Р. Л. (61) иные люди. Р. Л.

закону и по спаринѣ, какъ у нихъ испари идепѣ. Да пребываетъ Митрополипѣ правымъ сердцемъ, безъ всякія скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ. А кто вспунился въ церковное и въ Митрополичье, и на того гнѣвъ будепѣ Божій, а по нашему великому испязанію (62) не извинишя ничимъ же, и умреть злою казною (63). Такъ ярлыкъ данъ (64). Такъ молва, слово наше учинило. Таковою (65) крѣпоспію утвердило Заечьего лѣта, осьишняго (66) перваго мѣсяца 4 Вепха. На полихъ писанъ (67) и данъ.

ВТОРЫЙ ЯРЛЫКЪ.

*А се Ярлыкъ Аполяка Царя Михаилу Митрополиту
Кіевскому и всея Русси.*

Безсмершнаго Бога силою и величеспвомъ. Изъ дѣдъ и (68) изъ прадѣдъ, опѣ первыхъ Царей и. опѣ (69) опецъ нашихъ, Аполякъ Царь слово рекъ (70), Мамаевою (71) мыслию дядиною. Ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и рашнымъ Княземъ, и Волоспнымъ дорогамъ и Княземъ, и Писцемъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Буралож-

(62) великому наказанію и Р. Л. (63) злою смерпною казною. Р. Л. (64) нашъ. Р. Л. (65) шаковою данною. Р. Л. (66) асеняго. Г. Г. (67) на Полихъ писана и дана. Г. Г. на поляхъ писана и дана. Р. Л. (68) и deest. Г. Г. (69) опѣ deest. Г. Г. (70) *вльсто*: Аполякъ Царь слово рекъ — Тюпяково слово. С. Л. (71) Мамаевою. Г. Г.

никомъ, и Сошникомъ, и Заславщикомъ, и Лодейникомъ, или кпо на какво дѣло ни поидешъ, и многимъ людемъ. Опъ первыхъ Царей при (72) Чингисъ Царь, и по немъ иные Цари, Азизъ и Бердебекъ, и ши жаловали церковныхъ людей, а они за нихъ молились. И весь чинъ поповскій, и вси церковнии люди, не покмо жаловали ихъ, какова дань ни буди, или какая пощина, или кошорые доходы, или заказы (73), или рабошы, или спорожа (74), или кормы, — ино шѣмъ церковнымъ людемъ ни видѣши, ни слышаши шого не надобъ, чпобъ во упокои Бога молили, и молишву за нихъ воздавали къ Богу. Да и по ихъ кпо ни будешъ, всѣ шѣ, обыскавъ, Ярлыки подавали. И нынѣ мы, по первомъ Ярлыкомъ изыскавши, и удумавши, и думавъ (75), не изыначиваемъ первыхъ Ярлыковъ, попомужъ сего Мипрополища Михаила пожаловали есмя. И опъ, какъ сядешъ на своемъ сполѣ, молишъ Бога за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молишву воздаешъ. И шако есмя его пожаловали, чпо не надобъ ему, ни его людемъ, ни всѣмъ церковнымъ богомольцамъ, Попомъ, и Чернцомъ, и Бѣльцомъ, и ихъ людемъ, опъ мала и до велика, ни какова дань, ни кошорая пощина, ни кормъ, ни пишиѣ, ни запросъ, ни дары, ни почесшья не воздаюшъ никакова, ни служба, ни рабоша, ни спорожа, ни кошорые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни польшное, ни спановое, ни въѣзное, ни мимо-

(72) прежде. Г. Г. (73) или заказы или служба. Г. Г.

(74) спорожи. Г. Г. (75) и думавъ deest. Г. Г.

ходное на дорозѣ Послу, ни Басмаку (76), ни ко-
шорому моему пошлиннику; или чпо церковные до-
мы, воды, земли, огороды, винограды, мельницы,
спада конскіе, скопѣ (77) и (78) овчїи, или чпо
ни буди ихъ, въ шо ся у нихъ не вспуаешъ ни-
кпо, ни насидья да не шворяпѣ имъ никакова; а
кшо будешъ взялъ не вѣдая, и онъ опдаешъ без-
посудно (79). А въ церковныхъ домѣхъ ни спа-
ши никому, не рушиши ихъ; а кпо ся спанешъ
спавиши въ церковныхъ домѣхъ, или рушиши
ихъ, и шѣ люди опъ Бога во грѣсѣхъ будущъ;
а намъ ся на кого пожалуюшъ шѣ церков-
ные люди, и шопѣ (80) опъ насъ не живош-
ною казнью казненъ будешъ; а кого нашихъ По-
словъ или Пошлинниковъ убїюшъ церковные люди
надъ своимъ добромъ, шому шелевашиѣ (81); а ко-
го нашъ убїешъ церковныхъ людей, и шопѣ самъ
смершїю да умрешъ. И шы Михайло Мипрополишъ
возмолвишъ, чпо шакъ есмъ пожаловалъ (82), да
шѣмъ домошъ церковнымъ, или землямъ, или водамъ,
и въ огородѣхъ и въ виноградѣхъ, или надъ люд-
ми своими чпо учинишъ чрезъ пошлїну, ино шо
на шобѣ (83). Или кпо учинишъ шашѣбу, или
ложь, или иное какое злое дѣло, а не имешъ шого
смошриши, или слуги швои почнушъ какову нужу
церковнымъ людямъ швоимъ (84) швориши, ино

(76) Басмаку. Г. Г. (77) скопѣи. Г. Г. (78) и deest. Г. Г.
(79) безпосудно. Г. Г. (80) и шо. Г. Г. (81) шелева нѣшъ
Г. Г. (82) пожалованъ. Г. Г. (83) на шобѣ възшещся.
С. Л. (84) швоимъ deest. Г. Г.

шо на побѣ; и шы самъ вѣдаешъ каковъ онивѣштъ Богу за шо воздаши, и шоптъ грѣхъ на побѣ, а мы о шомъ ничшо же не имѣемъ; но за насъ къ Богу молишвы воздавай, дабы церковные люди во упокой за насъ молилися, попеже шы преже, а они попомъ; а мы о шомъ ничего не молвимъ. Такъ рѣкши, ушвердихомъ со алою шамгою Ярлыкъ. Дали есмя овечья лѣша, Дарыка въ семь соптъ осьмое (85) лѣшо, Солгаша (86) мѣсяца, въ 10 день Нова. На великомъ лузѣ на рѣчномъ (87) Орда кочевала. Написано.

ТРЕТІЙ ЯРЛЫКЪ.

А се Ярлыкъ дала Тайдула Царица Іонъ Митрополиту Кіевскому и всея Русіи.

Тайдулино слово. Гдѣ сей Іона (88) Митрополигъ молебникъ за насъ молишся, оптъ первыхъ добрыхъ временъ и доселъ, пакожъ и иные церковные молебницы, ино не надобе имъ мзда, ни копорая пошлина, и не емлютъ у нихъ ничего, за неже они молишву за насъ шворяшъ къ Богу. И чшо есмя молвили, и шо бы еспе всѣ вѣдали. Или чшо въ городѣхъ какія пошлины, или какое дѣло, или насилье будешъ имъ оптъ кого, а побѣ пожалуйшся, и шы слово ихъ выслушай, и дѣло ихъ по правдѣ прави. Или пақи кшо на кого предѣ самымъ шобою

(85) вседмьсотое. С. Л. (86) Солгаша. С. Л. (87) нареченномъ. С. Л. (88) Иванъ. С. Л.

слово молвишѣ, и шыбы силы не учинилъ ни кошорья, но опышай иныхъ людей, дабы во упокой были, и о насъ молились. И вы Русскіе все Мишрополишы, какъ было прежь сего при первыхъ Царяхъ, кои дѣлали дѣла, и нынѣ шакожъ дѣлали (89). Такъ молвя, грамошу (90) дали есмѧ. Виннаго (91) лѣша, осмого мѣсяца, въ 6 Въшха (92). На желшой шросши Орда кочевала. Писано (93).

ЧЕТВЕРТЫЙ ЯРЛЫКЪ.

*А се Ярлыкъ дала Зенебекова Царица тажъ Тайдула
Оеогносту Мишрополиту Кіевскому и всел Руссін.*

По Зенебекову (94) Ярлыку (95), Тайдулино слово. Ординскимъ (96) улуснымъ Княземъ, и Волошнымъ и огороднымъ (97) и сельскимъ дорогамъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, или кшо на каково дѣло поидешъ, ко всемъ Пошлинникомъ. Опъ давныхъ добрыхъ временъ и доселъ, чшо зовущя богомольцы, и весь поповскій чинъ, шѣмъ не надобъ ни кошорые пошлины, занеже самому Богу моляшя (98) за насъ и за наше

(89) *вмсто:* И вы Русскіе ...шакожъ дѣлали, — а вы Русскіе князи Семеномъ почевъ всеми Мишрополишы, какъ напередъ сего, кои дѣла дѣлали, а нынѣча шакъ же дѣлаюшъ. С. Л. (90) сеишенемъ грамошу. С. Л. (91) Свиного. С. Л. (92) Въ пяшый въшха. С. Л. (93) Написано. С. Л. (94) Чанабъкову. С. Л. (95) слову. С. Л. (96) Ташарскимъ. С. Л. (97) городнымъ. С. Л. (98) моляшя. Г. Г.

племя въ родъ и родъ, и молишву воздають, пакъ молвя, Феогносна Мипрополиша Царь пожаловаль, со алою шамгою Ярлыкъ (99) далъ. И мы, первыхъ Ярлыковъ не изъноча, шакожь молвя, Феогноспу Мипрополишу съ нишенемъ (100) грамошу дали есмя. И какъ онъ сълъ въ Володимеръ, молился за Зенебека Царя, и за наши дъщи молишву воздаешъ; и (101) пошлина ему не надобе, ни подводы, ни кормъ, ни запросъ, ни каковъ даръ, ни почеспье не воздаешъ никакова, ни люди его. А Земли его, и воды, ни огородовъ (102), ни мельницъ, и что ни будешъ церковное, кпо ни будешъ напихъ, не замають, ни силы не шворяптъ надъ ними, ни испомы никакой, и не опшимають у нихъ ничего. Или гдѣ спанушъ, да не емлюшъ у нихъ ничего, пакъ есмя молвили. А кпо паки безпушно силу учинишъ какову, или пошлину замыслишъ, пошъ смершию умрешъ. И шы Феогносцъ Мипрополишъ возмолвишъ, что пакъ есми пожалованъ. А копорые къ шебъ не причаспни огороды, винограды, воды, земли, а надъ шъми какову неправду учинишъ, и шы самъ вѣдаешъ каковъ опвѣшъ даси Богу, и пошъ грѣхъ на шебъ. А за насъ молишву воздавай Богу. Тако молвя, на ушверженіе нынѣшнюю (103) грамошу дали есмя. Заячъяго лѣша, Арама мѣсяца, въ 8 день нова. Въ Саргъ (104) Орда кочевала. Написано. А жалобу положилъ

(99) ерлыки. С. Д. (100) мишенемъ. Г. Г. (101) а. Г. Г. (102) ни огородовъ, ни виноградовъ. Г. Г. (301) мишененую. Г. Г. (104) Сарас. С. Д.

Тайобога (105). Айхоча (106), Мухпарь, Учагун,
Каранчи (107), писали (108).

ПЯТЫЙ ЯРЛЫКЪ.

*А се Ярлыкъ далъ Менгу темиръ Оксанъ Царь,
Русскимъ Митрополитомъ, безымленно всѣмъ церков-
нымъ людемъ.*

Вышняго Бога силою, и вышняя Троицы волею, Менгушемирово (109) слово. Людскимъ Баскакомъ и Княземъ, и полководнымъ (110) Княземъ, и Данщикомъ и Писцомъ, и мимоѣздящимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Бураложникомъ, и всѣмъ Пошлинникомъ. Чингій (111) Царь попомъ кшо ни будещъ, дали есмя жалованныя грамопы Русскимъ Митрополипомъ и церковнымъ людемъ, шако молвячи, чшобъ еспе и послѣдніе Цари, по помужъ пуши, пожаловали Поповъ, и Чернцовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей, да правымъ сердцемъ моляшъ за насъ Бога, и за наше племя, безъ печали, и благословляющъ насъ, и не надобе имъ дань, и шомга (112), и поплужнос, ниямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ. И какъ первые Цари ихъ пожаловали и мы, Богу моляся, и ихъ грамопъ не изыначивая, попомужъ жалуемъ. Во всѣхъ пошлинахъ,

(105) тебъ Бсга. С. Л. (106) а Кхоча. Г. Г. Акхоча. С. Л. (107) Учагуйкаранчи. С. Л. (108) писанъ. С. Л. (109) Менгу Темирово. Г. Г. (110) полномочнымъ. С. Л. (111) Чингисъ. С. Л. (112) шамга Г. Г.

не надобъ имъ ни копорая Царева пошлина, ни Царицына, ни Князей, ни Рядцевъ, ни Дороги, ни Посла, ни копорыхъ Пошлинниковъ, ни копорые доходы; или чшо церковные земли, воды, огороды, винограды, мельницы, зимовища, льповища, да не замаюшь ихъ, а чшо будетъ взяли, и они опдадушъ беспосульно. А чшо церковныя люди: Масшеры, Сокольницы, Пардусницы, или копорыя слуги и работницы, и кшо не будетъ ихъ людей, шъхъ да не замаюшь ни начшо: ни на работу, ни на спорожу; или чшо въ законъ ихъ иконы и книги, или иное чшо, почему Бога моляшъ, шого да не емлюшъ, ни издерушъ, ни испоршяшъ. Да не клеюшъ насъ, но въ покои моляшся за насъ. А кшо въру ихъ похулишъ или ругается, шопъ ничемъ не извинишся, и умретъ злою смершю. А Попове единъ хлѣбъ ядуще, и во единомъ мѣсшѣ живуще, и у кого братъ или сынъ, и шъ пошомужъ пожалованы будушъ; аще ли опъ ихъ опдѣлилися, изъ дому вышли, и шѣмъ пошлины и дани давашъ. А Попове опъ насъ пожалованы по первымъ грамошамъ, Бога моляшъ спояще, и насъ благословляюще; аще ли кшо имашъ (113) неправымъ сердцемъ за насъ молиши Бога, ино шопъ грѣхъ на немъ будетъ, или иныя люди имашъ (114) къ себѣ примаша, хошя Богови молишся. И въ шомъ, и такъ чшо будетъ, моля, сему Миспрополишу грамошу сшо дали есмя. И сшо грамошу видяще и

(113) Имешъ. Г. Г. (114) имешъ. Г. Г.

слышаще Попове и Черницы, ни дани, ни иного чего не даюшъ; а кпо возмешъ, Баскаци наши и Княжіе Писцы, и Поплужницы, и Таможницы, и они по велицѣй язѣ не извиняся (115), и смершю да умрешъ. Тако молвя, Ярлыкъ далъ (116). Заячьяго лѣпа, осеняго перваго мѣсяца, въ 4 день Вешка. На Телы (117) писаны.

ШЕСТЫЙ ЯРЛЫКЪ.

А се Ярлыкъ далъ Бердебекъ Царь Алекстыю Митрополиту Кіевскому и всея Руссїи Чудотворцу.

Безсмертнаго Бога силою и величеспвомъ, изъ дѣдъ и прадѣдъ, Бердебеково слово. Ташарскимъ улуснымъ и рапнымъ Княземъ, Муалбегиною (118) мыслію, волоспнымъ самымъ Дорогамъ и Княземъ, и Писцомъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Бураложникомъ, и Зѣспавщикомъ, и Лодейщикомъ, и Заказникомъ, и всѣмъ Пошлинникомъ, или кпо на каково дѣло ни поѣдепъ, и всѣмъ многимъ людямъ. Чингисъ Царь и первыи Цари, опцы наши, жаловали церковныхъ людей, кои за нихъ молилися, молебники, и весь чинъ поповскій. Такъ молвя, написали есмя: какова дань ни будешъ, или пошлина, ино того пѣмъ ни видиши, ни слышаши не надобъ, чпобы во упоком Бога молили, и молишву воз-

(115) не извинется. Г. Г. (116) данъ. Г. Г. (117) На Та-
ли. С. Л. (118) Муалбугиною. Г. Г. Муальбугиною. С. Л.

давали, пакъ молвя, Ярлыки подавали. И шо увѣдавши, всѣ, иже по нихъ, иные Цари Ярлыки свои давали. И мы нынѣ, первыхъ Ярлыковъ не изыпачивая, и думавъ (119), попомужь есмя Алексѣя Миширополиша пожаловали. Какъ сядешъ на своемъ спомѣ (120), и молишву воздаешъ къ Богу за насъ и за наше племя, пакъ есмя молвили. Какова дань ни буди, или пошлина, и шого шѣмъ ни видаши, ни слышаши не надобъ. Да не емлюшъ у нихъ, ни подводъ, ни корму, ни пипья, ни запроговъ, ни почеспи не даюшъ. Или чшо церковныя земли и воды, дома, огороды, винограды, мельницы, шого у нихъ никшо ничего не замаюшъ, ни насилуюшъ надъ ними; а кшо будешъ чшо взялъ, и онъ опдаситъ беспосульно. А въ церковныхъ домѣхъ никшоже не спавиши, ни руциши ихъ; а кшо ся въ нихъ имѣешъ спавиши, или руциши ихъ учнешъ, и шопъ во грѣсѣхъ да будешъ, и умрешъ злою смершю. И шы, Алексѣй Миширополишъ и весь вашъ поповскій чинъ возмолвише, чшо еспе пожалованы. И церковнымъ домомъ, и землямъ, и водамъ, огородамъ и виноградомъ, или чшо надъ церковными людьми учинише черезъ пошлину, ино шо на васъ; или кшо разбоемъ и шапъбою и ложью лихое дѣло учинишъ каково, а не имешъ шого смощриши, и шы самъ вѣдаешъ, чшо будешъ шебъ опъ Бога. А о насъ Богу молися, занеже шы

(119) улумавъ. Г. Г (120) вмѣсто сядешъ... спомѣ — какъ въ Володимирѣ съдъ. С. Л.

преже, а мы о помъ не молвимъ ничего, пакъ рекше и Ярлыкъ (121) съ алою шамгою дали есмь на ушверженіе вамъ. Тегигуя (122) лъпа, десяшаго мѣсяца, въ 10 Нова; А льгоша (123) мѣсяца въ семьсопъ осьмое (124). Орда кочевала на Канонгъ. Написано. У васъ Бога (125), Услинъ (126), Сарай, Ягашлии (127), Куплубуга — (128) и пѣ головные Князи жалобу клали. Сеунчъ, Темиръ (129), Мюрбакшеи (130) писали (131).

СЕДМЫЙ ЯРЛЫКЪ.

А се Ярлыкъ дала томужъ Алексію Митрополиту Кіевскому и всея Руси чудотворцу Тайдула Царица Зенебекова, коли ему лухится итти къ Царю граду.

По Зенебекову (132) Ярлыку, Тайдулино слово. Къ Темнымъ и къ Тысячнымъ Княземъ, и Сопникомъ, и Десяшникомъ, и Волосшелемъ (133) и Городнымъ дорогамъ, и Княземъ, и мимохожимъ Посломъ, и ко многимъ людямъ, и всемъ Приказникомъ. Сей Алексѣй Митрополишъ, коли поидетъ ко Царю граду, и здѣ (134) кшо ни будетъ, чшобъ его не

(121) Вайдуса ерлыкъ. С. Л. (122) Тегигуя. С. Л. (123) Алгапа Г. Г. Салгапа. С. Л. (124) въ семсошное льпо. С. Л. (125) Уваль Бога. Г. Г. Валбога, С. Л. (126) Ураинъ. С. Л. (127) Елгопа. С. Л. (128) Куплубога. С. Л. (129) Темиръ. С. Л. (130) Мурбакшии. С. Л. (131) писалъ. С. (132) Ченебекову. С. Л. (133) волосшнымъ. С. Л. (134) гдѣ. С. Л.

замали, ни сильбъ падъ нимъ не учинили ни какіе; или гдѣ ему лучишя поспояши, чшобъ его ни кшо не двигнулъ, ни коней его не имали, занеже за Зенебека (135) Царя, и за дѣшей его, и за насъ молишву пворипъ, такъ есмя молвили. А кшо паки силу учинишъ, и онъ на великой вошлинъ перемолвишъ самъ (136), такъ молвя, нишпенную (137) грамошу дали есмя. Енпя (138) году, Арама мѣсяца, во 2 Вепха. Орда кочевала на Гули спанъ (139). Написано. Семирь (140) Ходча жалобу положилъ.

Супъ же и иніи велицы Ярлыцы предани быша церкви Божіей, Пречисной Богомашеръ, ошъ безбожныхъ онѣхъ Царей крѣпосши для ушверженія свягѣйшимъ Мипрополипомъ Русскимъ и всему причшу церковному. Не реку Осанна Башыя, иже бѣ пошлѣнилъ всю Русскую землю, наипаче рещи всѣхъ Царей, иже по немъ царшвовавшихъ. Но охъ, увы! слезы мя обдержашъ, понеже убо милоспъ получи сваяшая соборная апоспольская церкви даже и доннѣ ошъ невѣрныхъ и поганыхъ Агарянскихъ дѣшей!

Вы православніи и Христолюбивіи Царіе, и Князи, и Бояре, пошщипесе ко сваяшымъ Божіимъ церквамъ всяко благошвореніе показати, вѣру праву и любовь пелищемѣрну, и милоспъ и милоспшыню и прочая вся добродѣтели исправляти, да не по-

(135) Ченебека. С. Л. (136) не перемолвится. С. Л. (137) мяшпеную. Г. Г. (138) Сипта. С. Л. (139) Гулиспанъ. Г. Г. Гулиспани. С. Л. (140) Темирь. С. Л.

срамлени будеше опъ онѣхъ варваръ въ день судный, яко же рече Господь во Евангеліи: Царица Южная воспанешъ на судъ съ родомъ симъ, и осудишь ихъ проповѣдію Іониною, занеже не покаяшася. Елико же обрѣпохомъ во свящѣйшей Мишрополіи спарыхъ Царей Ярлыки, сихъ и написахомъ. Мнози же сущъ опъ первыхъ и давнихъ, иные велицы Ярлыцы сущъ, но иныхъ не возмогохомъ превести, зане неудобъ познаваемою рѣчью писаны быша, ниже паки ихъ именованомъ. Здѣ довольно бысть и се разумнымъ къ наказанію, еже опъ Сарацинъ шребованіе милоспши опъ Бога, и къ церкви Божіей милоспшныя и молишвы, неже правда Хрисціанская неразумѣющихъ по испиннѣ Бога; но ослѣпленныхъ суешю міра сего еже пребидѣши свящныя церкви, и дома ихъ, и сами опъ Бога пребидимы будущъ въ вѣки безконечныя. Аминь.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Ярлыками назывались въ Монгольскихъ государствахъ не однѣ жалованныя или инвеститурыныя грамоты, а всякаго рода и содержанія бумаги, исходившія отъ верховной власти.

II.

Золото-ордынскіе ханы не были ревностными мусульманами, и покровительствовали нашему духовенству не изъ политическихъ выгодъ, а вслѣдствіе религіозной терпимости, предписанной законами Чингиса.

III.

Формою своею ярлыки наши совершенно сходны съ такаго же рода акшами, извѣстными въ подлинникахъ.

IV.

Ханскія жены пользовались въ Монгольскихъ государствахъ большими правами и уваженіемъ.

V.

Всѣ Золопо-ордынскіе ханы давали, или, по обычаю, должны были давашь льготные ярлыки нашему духовенству.

VI.

Анахронизмы въ дашахъ нѣкопрыхъ ярлыковъ нашихъ ни сколько не доказываюшъ поддѣльности этихъ актовъ.

VII.

Мы имѣемъ ярлыки не въ подлинникахъ, а въ переводахъ.

VIII.

Переводы эти, современные или позднѣйшіе, должны быть вѣрны съ подлинниками.

3 2044 015 499 692

This book should be returned to the Library on or before the date stamped below.

A fine of five cents a day is charged for each day by retaining it beyond the due date.

Please return promptly.

JUN 28 1974

CANCELLED JUN 28 1974

OCT 1 1974

WIDENER

MAY 29 1974

CANCELLED

STALL-STUDY

CHARGE

CANCELLED
JUN 25 1975